

**БРЯНСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ
АКАДЕМИЯ**

Новожеев Р.В.

**ДРЕВНЕРУССКАЯ СЕЛЬСКАЯ УСАДЬБА
материалы для реконструкции**

**БРЯНСК
2010**

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	
1. Усадьба – основа сельского мира.....	
2. Древнерусское срубное жилище: элементы конструкций.....	
3.1 Сруб.....	
3.2 Пол.....	
3.3 Дверь и запирающие устройства.....	
3.4 Окно.....	
3.5 Кровля.....	
3. Детали интерьера.....	
4.1 Печь.....	
4.2 Мебель. Освещение жилища.....	
4. Хозяйственные постройки.....	
5.1 Сооружение для сушки снопов.....	
5.2 Хозяйственные ямы.....	
5.3 Погреб.....	
5.4 Сооружение для выгонки дёгтя.....	
Заключение.....	
Библиография.....	
Иллюстрации.....	

*Все люди родом оттуда, из деревни,
только кто-то раньше, другие позже,
и одни это понимают, а другие нет...
И доброта человеческая... тоже родом из деревни...
В.Г. Распутин*

*Не плачь, потому что это закончилось. Улыбнись, потому что это было.
Габриэль Гарсиа Маркес*

ВВЕДЕНИЕ

Европейский континент отличается богатством сельского наследия, сформированного в результате человеческой деятельности в течение длительного периода, и исключительным разнообразием форм рельефа, ландшафтов, климатических особенностей и сельскохозяйственных культур. Россия как неотъемлемая часть Европы обладает богатейшей аграрной культурой, которая на протяжении всей ее тысячелетней истории была определяющим фактором исторического прогресса и культурной идентичности. Крестьянский труд веками обеспечивал стабильное получение обществом прибавочного продукта. И если даже в Новое время «мир представлял собой всё ещё большую крестьянскую страну, где 80-90 % людей жили плодами земли и только ими» [Бродель 1986, 60], то что говорить о восточноевропейском средневековье, где процесс освоения природы был еще в самом начале. Сегодня историческая наука в целом и археология в частности, накопили достаточно материалов, чтобы признать, что общая динамика исторической жизни русского средневековья задавалась не только становлением и ростом городов, но и развитием сельских территорий. Деревня домонгольского времени – это особое сообщество, включенное в торговлю, с развитым ремеслом, с высоким уровнем благосостояния, со сложной внутренней организацией, с установкой на освоение новых территорий. Это общество преобразовало природную среду на огромных пространствах Русской равнины, превратив дикие лесные территории в культурный аграрный ландшафт.

«Нет смысла в сохранении наследия, которое служит связующим звеном между прошлым и настоящим, если ему не будет гарантировано место в будущем и возможность передачи следующим поколениям, поэтому так важно привлечение ключевых действующих лиц. У наследия есть потенциальный запас, оно может стать ценным ресурсом, и необязательно в коммерческом смысле, скорее для выполнения конкретных задач и проектов в местных сообществах. Соответственно, оно принимает участие в устойчивом развитии, причем может выступать как продукт, фактор или источник развития» [Европейское руководство 2003]. Некоторые сообщества могут считать, что их наследие не столь значимо, нежели в других поселках. Однако отсутствие памятников не означает отсутствия наследия: в каждой общине имеются архивы, устные традиции, формы социальной жизни, местные умельцы и т.д. Кроме того, памятники можно и реконструировать, воссоздавая тем самым культурную среду той или иной эпохи, такая реконструкция позволяет «оживить» историю.

Живая история (*living history*) – это воспроизведение повседневного быта жителей какого-либо места в определенный исторический период, обычно в форме организации «музея живой истории». Тут важно абсолютно все, начиная от конструктивных особенностей построек и заканчивая аутентичными рецептами кухни. Подобные мероприятия интересны не только самим участникам, но и зрителям, которые могут воочию посмотреть на нехрестоматийную историю своего сообщества, на то, как и чем жили их предки. Данное направление очень популярно и развито в Европе, там существуют десятки «музеев под открытым небом», где живут и трудятся люди в обстановке былых времен. Одним из первых широко известных музеев под открытым небом был открытый в 1891 «Скансен» (*Skansen*) на о. Юргорден в Стокгольме (Швеция), в связи с чем его название стало нарицательным для такого рода музеев на большинстве европейских языков.

Во многих музеях проводится комплексная реконструкция прошлого, исторические строения являются не просто отдельными экспонатами, а

образуют взаимосвязанный действующий комплекс. Посетители скансенов получают возможность побывать в реконструированном населённом пункте прошлого, получая общее представление об истории и этнографии соответствующей местности. Музеи под открытым небом демонстрируют сегодня большое разнообразие проектов. Для местных жителей организуются специальные семинары и консультации по вопросам реставрации и строительства сооружений. Музейные ремесленные мастерские представляют образцы своих изделий для подражания и реального пользования. В сфере школьного образования музеи предлагают свои территории и площадки для проведения уроков истории с привлечением театрализованных представлений, организуют экологические тропы для уроков биологии, экологии, традиционного землепользования. Изучаются памятники и их окружение, культурные ландшафты и традиции местных жителей (обряды, приготовление пищи, одежды, песенное творчество и пр.). Такие музеи становятся «точками роста» сельских и городских территорий и информационными центрами [Севан, 2006].

В последнее время существует тенденция воспроизводить в рамках музеев под открытым небом традиционные ремесла и виды деятельности, характерные для соответствующей местности и времени - например, работу мельника, ткача, кузнеца, гончара, плотника, винокура и многих других. Такого рода работы непосредственно относятся к одной из важнейших отраслей археологической науки – экспериментальной археологии, суть которой - реконструкция элементов материальной и духовной жизни людей прошлого. Во всем мире существуют несколько десятков экспериментальных поселений, в которых воссозданы жилища и хозяйственные постройки, характерные для различных исторических эпох. Некоторые из поселений функционируют. В настоящее время методы историко-археологического эксперимента широко используются в системе высшего образования США (во многих университетах реконструкциям посвящены спецкурсы по культурологии и антропологии) и ряде стран Европы. Наиболее широко реконструкции используются в

педагогических целях в Дании, в экспериментальном поселении Лейре. Там был создан специальный центр по работе со школьниками. В Лейре проводились исследования, которые подтвердили высокую эффективность обучения в условиях реконструированного поселения. Занятия с подростками ведутся в Швеции в экспериментальном поселении бронзового века. Можно также отметить работы педагога и археолога Сержа Мори, который в департаменте Дордонь (Франция) воссоздал с группой подростков поселение эпохи палеолита. Опыт был признан успешным и сейчас во Франции развернута широкая образовательная программа. На наш взгляд, экспериментальная археология обладает значительным научно-педагогическим потенциалом и имеет значительные перспективы применения в образовательной сфере, как в средней школе, так и в ВУЗе.

На пространстве бывшего Союза скансены это довольно редкое явление, тем более скансены, посвященные быту домонгольской Руси. Один из них это Музей народной архитектуры и быта Средней Надднепрянщины в Переяславе-Хмельницком на Украине. Там, в частности, воссозданы жилые постройки X-XI вв., найденные археологами в Поднепровье. Это жилище XI века - однокамерная полуземлянка размером 3,8 x 4 метра. (Рис. 1). Стены сложены из сосновых тесаных брёвен в технике горизонтального заполнения «в шулы». Крыша двускатная с коньком и желобом для отвода воды, крытая тёсом. Жилище оснащено волоковыми окнами и дверью на оси-бегуне. Воспроизведён интерьер: в правом углу размещена глинобитная печь, слева полати из досок, под ними яма для зерна, в центре стол из дубового пня. Пол глинобитный. Жилище было типичным для рядовой застройки ремесленных кварталов древнего Переяславля.

Еще одно жилище XI в. углубленное в землю на 0,8 м, размеры 3,3 x 2,4 м. (Рис. 2). Слева от дверей, в юго-восточном углу, размещена глинобитная печь, имеющая полукруглую форму диаметром 1,4 м. Под печи имеет 6 подмазок – результат долговременного использования и многократных ремонтов. Остатки печи были перевезены в музей монолитом. Стены жилища

каркасно-столбовые, плетёные из лозы, мазанные глиной, белёные. Опорные столбы (сохи), размещённые снаружи, поддерживают камышовую двускатную крышу. Вход в жилище по деревянным ступеням.

Также реконструирован жилищно-хозяйственный комплекс – усадьба киевлянина X века, созданная на основе экспонируемых двух срубов. (Рис. 3). Усадьба ограждена высоким частоколом. В ней жилище и хозяйственная постройка. Сооружения срубные с двускатными крышами. Жилище двухкамерное: изба и сени. Нижние брёвна жилой половины лежат на земле, углы сеней подпирают дубовые стояки. Пол дощатый. В жилой части, в углу справа от двери находится глинобитная печь с опечком, сбитым из досок, деревянным дымарём, обмазанным изнутри глиной. В экспозиции интерьера использованы подлинные вещи XI-XIII веков из археологических раскопок, а также этнографической коллекции музея. Хозяйственная постройка имеет два яруса. Система засовов на дверях и конструкция лестницы восстановлена по оригиналу, отделка построек – по материалам раскопок. Это, вероятно, наиболее аутентичная реконструкция, произведенная при соблюдении технологий и на основе археологического материала.

Пожалуй, первый в России классический скансен был создан энтузиастами-исследователями историко-культурного центра «Варяжский двор». В 2005 г. недалеко от Выборга ими было построена средневековая варяжская усадьба, воссоздана частица древней Ладоги начала XI века. На пустом месте было создано замечательное культурное явление. В усадьбе постоянно проживают люди, как специалисты, так и обычные туристы, которые приезжают окунуться в древность целыми семьями.

В археологическом музее «Берестье» (Беларусь, г. Брест) также сделана попытка частично реконструировать городскую усадьбу XIII в., но воссозданные постройки располагаются внутри павильона и при их строительстве допущен ряд серьезных ошибок. В частности, тесовая кровля выполнена не в соответствии с древней технологией. Тес уложен в одну доску,

что было невозможно, т.к. такая кровля будет абсолютно бесполезна для предотвращения попадания в жилище осадков. (Рис. 8, 44, 45).

В 2006-2008 гг. в Любытинском районе Новгородской области был реализован проект из области живой истории – реконструкция славянской деревни X века. Любытинский район не случайно стал местом воплощения проекта. На сравнительно небольшой территории всего в несколько квадратных километров, до наших дней сохранился уникальный комплекс археологических памятников раннего средневековья (V-XI вв.), одного из важнейших по количеству и сохранности на Северо-западе России. Здесь сосредоточено 38 археологических комплексов, включающих в себя более 250 сопок и земляных крепостей - городищ. Проект еще не закончен, предполагается, что воссоздаваемый комплекс славянской деревни будет состоять из жилых и хозяйственных построек, включающих в себя достоверно известные типы славянских жилищ, клетей, амбаров, хлебных печей, известных по материалам раскопок сельских памятников на территории данного района, Приильменя, а также в раннегородских центрах – Ладоге, Рюриковом Городище и Новгороде.

В российском законе [Об объектах культурного наследия... 2002] и венецианской хартии [Международная хартия... 1964] нет определения реконструкции памятника, хотя многие из позиций, рассматриваемых в этих документах, на самом деле относятся к этому виду деятельности.

Под реконструкцией мы понимаем действие или процесс отображения с помощью нового строительства формы, элементов и деталей, не дошедших до наших дней участка, ландшафта, здания, структуры или объекта с целью воссоздания их внешнего вида в определённый период времени и\или в историческом местоположении. Реконструкция предполагает воссоздание полностью или частично утраченного объекта, отдельных его фрагментов и даже элементов и деталей. Под исторической реконструкцией мы понимаем воссоздание целого образа на основе сохранившихся данных, иногда отрывочных, описывающих этот образ. В качестве основных данных могут использоваться: сохранившиеся фрагменты объекта реконструкции, а также

упоминания о нём в письменных источниках, в устной традиции (сказания и легенды); изображения различного рода; сохранившиеся аналогичные объекты, выполненные по той же методике и в том же стиле; материалы археологических исследований и музейные экспонаты. Чем больше данных сохранилось об объекте, тем выше степень достоверности реконструкции. И, естественно, в проекте реконструкции необходимо учитывать такой экономический элемент, как обязательный учёт затрат на воссоздание исторического образа, без которого невозможна реконструкция единого исторического комплекса.

Для нашего исследования необходимо учитывать и крайне важный географический фактор. Природно-климатические особенности имели важнейшее влияние на характер и темпы развития человеческого общества вообще и на характер и темпы развития тех или иных его социальных формирований, охватывающих племена или народы, или целостные государственные образования и государства. Причем это влияние прослеживается не только в том случае, когда разница в природно-климатических условиях резко контрастна и поэтому вполне очевидна (например, общества Мезоамерики, с одной стороны, и общества Европы, с другой), но и при отсутствии столь резкого контраста (например, Запад Европы и Восток Европы). В последнем случае влияние это не столь грандиозно, как в первом случае. Географический фактор наложил огромный отпечаток и на систему хозяйства, и на домостроительство, и на характер общественных отношений, и на менталитет народа, который на протяжении веков формировал уникальный культурный ландшафт.

Историческая реконструкция ландшафта – комплекс научно-исследовательских, изыскательских, проектных и производственных работ, проводимых в целях воссоздания культурного ландшафта или его фрагментов на определённый исторический период. Историческая реконструкция осуществляется на основе документов, исследований или аналогов. В процессе исторической реконструкции происходит освобождение ландшафта от более

поздних по отношению к принятой дате наслоений. Таким образом, в процессе реконструкции культурного ландшафта формируется «квазиисторический» ландшафт, отображающий только один из периодов его развития. Он обладает определённой достоверностью, но теряет свою подлинность. Следует отметить, что любая непосредственная реконструкция всегда в той или иной степени условна, исследователь чаще реконструирует наиболее вероятностную форму предмета. «Фантазийная» или «образная» реконструкция культурного ландшафта предполагает его воссоздание на основе сложившегося в памяти людей, искусстве, устном творчестве представления об его историческом образе, в основе которого лежит мифология, содержащаяся в произведениях искусства или народных легендах. Типичным примером такого ландшафта может служить поле сражения при Босворте в Англии, где сошлись войска Ричарда III и Генриха VII. При определении места поля сражения и формировании культурного ландшафта его устроители исходили, прежде всего, из трагедии В. Шекспира «Ричард III» и народных легенд, а не из достоверных и научно-аргументированных исторических документов. В нашем случае фольклорная мифология не может быть основой для реконструкции в силу скудости ее информации. Хотя такой опыт в отечественной историографии уже был [Шамбинаго 1900, 129-150]. Основой нашей реконструкции будут, в первую очередь, материалы археологических исследований и этнографические источники.

Историко-археологическая реконструкция требует специфических методов исследования, основу которых составляют методы источниковедения в силу того, что именно источник ограничивает широту реконструктивных гипотез исследователя. А также базируется на методах сравнения, аналогий, моделирования и т.п. Отчетливо представляя различия исторической и археологической реконструкции, мы основной акцент сделали на археологическую реконструкцию с элементами исторических обобщений в той степени, в которой позволил их предложить имеющийся источник. Для данной реконструкции материалы археологических исследований дают

основную массу необходимой информации. «Вскрывая археологическим методом остатки жилищ, можно восстанавливать и всю материальную обстановку, т.к. жилища как важнейшая категория материальной культуры, комплексирует вокруг себя бытовую, социально-хозяйственную картину эпохи. Время с XI по XIII в. особо интересно и в отношении охвата его историей материальной культуры..., так как оно стоит на стыке чисто архаичной культуры «славянской» и «русской...» [Милонов 1931, 49].

«Археология – это само прошлое, но познание его возможно лишь при помощи современного. Лишь этнография делает возможной социально-культурную интерпретацию археологических памятников» [Кабо 1979, 61]. Следует добавить, что этнография делает возможной и историческую реконструкцию. Поэтому в нашем проекте мы широко используем этнографические материалы. Археологических данных явно недостаточно для полноценной реконструкции сельской усадьбы, как отмечал Милонов «представление о конструкции и содержании верхней части жилья может быть исключительно обрывочным и условным» [Милонов 1931, 19]. Учитывая, что традиционное аграрное общество крайне консервативно и многие века сохраняется практически без изменений, этнографические источники существенно восполняют те белые пятна, с которыми не в силах справиться археология. Русский крестьянин, как и все земледельцы средних широт, ориентировался исключительно на тот довольно большой и сложный комплекс традиций земледелия, завещанный ему предшествующими поколениями. И это касается не только производственной сферы, но и домостроительства. Форма этого опыта в виде неколебимой традиции, неизменного обычая и правил диктовала беспрекословность их соблюдения. С большой уверенностью можно утверждать, что традиции домостроительства в их принципиальной основе также не претерпевали существенных трансформаций.

Реконструкция сельской усадьбы это большой исследовательский проект на стыке истории, археологии, этнографии, музееведения. Потенциал данной реконструкции огромен. Это не только незаменимый научно-

исследовательский опыт со всеми вытекающими последствиями, в частности последующие работы над реконструкцией системы хозяйства, но и также возможность применения педагогических и воспитательных ресурсов, создание туристической привлекательности местному сообществу и, несомненно, содействие сохранению культурного наследия и исторической памяти.

1. УСАДЬБА – ОСНОВА СЕЛЬСКОГО МИРА

Усадьба (двор), это комплекс одновременно существующих жилых, хозяйственных и производственных построек, составляющих единое архитектурное и хозяйственное целое и огражденный от соседних участков забором.

Двор являлся важнейшей формой организации не только экономической деятельности, но и сферой социальной самореализации человека. В рамках усадебного хозяйства и взаимоотношений людей, её населяющих, формировалась основная социальная единица – семья как домохозяйство. Двор, усадьба олицетворяли собой окультуренное пространство, цивилизацию, в противопоставлении дикой природе, неокультуренному пространству. Дом воспринимался как священное место; соответственно, усадьба – как место священнодействий. Двор был весь пронизан символикой, с помощью которой каждая средневековая семья стремилась обеспечить себе сытость и тепло, безопасность и здоровье. Крестьянский двор выступал наряду с общиной формой сельской повседневности. Он являлся основной производственной ячейкой сельской общины, на нем держались все хозяйственные связи в деревне. Он же служил основой бытовой морали крестьян. Таким образом, статус и положение крестьянского двора выстраивали этику соседских отношений в деревне. Крестьянский двор действовал как сплоченный элемент социальной организации с разделением труда, власти и престижа по традиционным предписанным семейным установлениям. Двор представлял собой основу производства, потребления, отношения собственности,

социализации и общественных связей, моральной поддержки и взаимопомощи. Ценность двора как социально важной единицы подтверждает суровая санкция статья Русской Правды: «Аже зажьжеть гумно, то на потокъ, на грабежь домъ его, переди пагубу исплатившю, а въ проце князю поточити и; тако же, аже кто дворъ зажьжеть» [Русская Правда 1984, 47].

Традиционно считается, что усадебная застройка и уличная планировка характерны лишь для городских поселений. Археологическое исследование древнерусских городов показало, что в основе их топографии лежит именно усадьба. Наиболее обширный материал дали исследования в Новгороде Великом. В новгородскую археологию термин усадьба вошел уже довольно давно [Колчин 1981; Хорошев 1997; Сорокин 1995]. Усадьбы, обнаруженные на Неревском, Михайловском, Троицком и Ильменском раскопах имели площадь от 400 до 2000 кв. м [Петров 1997]. Размеры дворов свидетельствуют о социальном статусе владельцев усадеб. Усадьбы большей площади принадлежали представителям экономически устойчивого господствующего сословия, усадьбы с минимальной площади относят к владениям рядовых свободных горожан.

Вопрос о топографии древнерусских сельских поселений долгое время оставался белым пятном в археологии. Да и сами сельские поселения долгое время не привлекали исследователей. Их было трудно обнаружить даже тщательными разведками, так как селища, в отличие от укрепленных поселений, не выражены в ландшафте местности. Материальная культура их считалась бедной и не сравнимой с теми открытиями, которые могут преподнести исследования городского слоя. Таким образом, древнерусское село привлекло исследователей не ранее 30-х – 50-х годов XX века. Но и тогда, и в последующие 20-30 лет древнерусские селища исследовались частично, вскрытие культурного слоя большими площадями не проводилось, а это не давало возможности составить четкое представление о топографии поселений. Соотношение исследованных древнерусских городов и сёл было явно не в пользу последних. Даже в середине 80-х исследования древнерусского села

было на таком низком уровне, что позволило А.В. Кузе написать: «До сих пор полностью не раскопано ни одно селище; районы сплошного обследования, где было выявлено большинство древнерусских сельских поселений, территориально ограничены и крайне малочисленны» [Древняя Русь 1985, 97]. В 1980-х годах начинается новый этап в археологическом изучении древнерусских сельских поселений. Следует отметить исследования А.П. Моци, В.П. Коваленко, Е.М. Веремейчик, А.В. Шекуна, Ю.Н. Сытого, (Черниговщина), Т.Н. Никольской (земля вятичей), Я.Г. Риера (Могилевщина), Б.А. Тимошука (Поднестровье), В.А. Петрашенко (Среднее Поднепровье) и др. В середине 1990-х. Н.А. Макаров начинает многолетние исследования эталонного сельского микрорегиона на Севере Древней Руси. Для этой цели был выбран уникальный комплекс археологических памятников у д. Манино на Кубенском озере. Эти работы продолжались в течение девяти полевых сезонов и дали исключительный по своей важности результат. На сравнительно небольшой площади, исследованной раскопками, изучены остатки жилищ и средневековых полей с пахотными горизонтами, производственные комплексы, погребения. В Манине собрана грандиозная для древнерусских сельских поселений вещевая коллекция, насчитывающая около 10000 средневековых вещей. Раскопками в Манине Н.А. Макаров показал, что северная деревня XI-XIII вв. – сложный социальный и хозяйственный организм, не соответствующий распространенным представлениям о простоте изначальных форм крестьянского быта на Севере. Колонизация северной периферии Древней Руси сопровождалась устройством крупных поселений, жители которых занимались лесными промыслами, сельским хозяйством и торговлей [Археология 2007-2009].

Во второй половине 1980-х гг. Днепровская Древнерусская экспедиция ИА АН УССР и Черниговского пединститута им. Т.Г. Шевченко начали работы по исследованию селища у с. Автуничи Городнянского р-на Черниговской области. За 1988-89 гг. было вскрыто около 10 тыс. кв. м культурного слоя, при этом выявлено 155 построек и 100 хозяйственных ям [Моця 1997, 36], к

середине 1990-х годов вскрытая площадь составила около 25 тыс. кв.м., изучено более 400 построек, 221 яма, 131 канавка от оград [Моця 1995, 101]. В течение 80-х гг. на Черниговщине исследовалось поселение Лесковое, расположенное в бассейне р. Белоус, правом притоке Десны. В общей сложности было исследовано более 11 тыс. кв. м., что составило 22% площади селища, обнаружено 378 археологических объектов [Шекун 1997, 70-71]. С 1993 года О.Н. Енуковой ведется исследовательская работа на Липинском археологическом комплексе (Октябрьский р-н Курской области), где на селище вскрыто около 10 тыс. кв. м [Енукова 2007, 6].

На данный момент это наиболее хорошо исследованные памятники на культурном пространстве Древней Руси. Накопление обширного фактического материала позволило исследователям делать обоснованные выводы и даже поломать устоявшиеся историографические штампы. Представления о характере древнерусских селищ, их планировке, хозяйственном укладе и домостроительстве претерпели существенные изменения.

Оказалось, что материальная культура сельских поселений не менее богата и разнообразна, во всяком случае, сравнима с миром вещей жителей небольших городов. Конструктивные особенности жилых, хозяйственных и производственных построек также не отличаются примитивностью и «деревенской простотой». И, пожалуй, самый важный, в нашем случае, вывод – на древнерусских сельских поселениях имела место усадебная застройка.

В начальный период освоения территории сельские поселения мало отличались друг от друга, и процесс их развития происходил весьма сходно. Жилища и хозяйственные постройки однообразны и не объединены по усадебному принципу. Но уже на рубеже XI-XII вв. усиливается дифференциация на сельских поселениях. Появляются и сосуществуют разного рода жилища – полуземлянки, жилища на жилых и нежилых подклетах, двух- и трехкамерные. Хозяйственные комплексы концентрируются вокруг жилищ, и только пожароопасные производства и отдельные ямы выносятся на окраину поселений. Появляются новые селища, где культурный слой не покрывает всю

территорию памятника, а фиксируется только вокруг построек. Это первый признак зарождающейся усадебно-дворовой топографии сельских поселений.

Дворовая застройка на древнерусских сельских поселениях Подесенья возникает уже в первой половине XII века. А к концу того же века становится господствующей [Шекун 1990, 75]. И главным признаком двора становится не столько концентрация культурного слоя вокруг жилых и хозяйственных построек, но, в первую очередь, забор – ограда, отделявший один двор от другого.

Исследования А.В. Шекуна на селище Ров-2 около с. Шестовицы Черниговской области выявили две усадьбы рубежа XII-XIII вв [Шекун 1988, 36-37]. Одна из усадеб имела площадь 480 кв. м. На ней выявлено 7 построек и три хозяйственных ямы. Постройки располагались по кругу так, что в центре оставался свободный дворик площадью 85 кв.м. Усадьбу окружала ограда столбовой конструкции. Главной постройкой являлось, углубленное в землю на 0,75 м, жилище, площадью 13,6 кв.м. С запада к жилищу примыкали небольшие сени (0,75 x 0,9 м). В юго-западном углу находилась округлая глинобитная печь. Жилище было заброшено его владельцами, котлован был засыпан, а в 1,2 м от старого была возведена новая жилая постройка. Оно повторяло размеры и конструктивные особенности первого, но имело несколько большие сени (1,2 x 1,4 м) и деревянный пол несколько поднятый над землей. В 4 метрах от жилища находилась постройка (0,7-0,9 x 1,2 м) глубиной 0,6 м, заполненная обломками амфор и горшков большого диаметра. Вероятно, это была постройка, где хранились съестные припасы. Рядом с ней находилась прямоугольная постройка (1,8 x 2,7 м), глубиной 1,1 м. В углу ее котлована подбоем сделана округлая яма диаметром 1,4 м и глубиной 0,3 м. Такие постройки часто встречаются на древнерусских селищах и интерпретируются как погреба. Рядом с погребом находилась снопосушилка. Это была прямоугольная постройка (4 x 2,6 м), пол имел плавный уклон вдоль длинной оси, в северной части имелось овальное углубление (2,3 x 1,9 м), в котором выявлены остатки очага.

Еще в одной постройке грушевидной формы (4,8 x 2-3 м, глубиной 0,9 м) находился кузнечный горн. Следующая постройка имела квадратную форму (3,2 м, глубиной 1,1 м). В постройке находилась яма-погреб, и были найдены сельскохозяйственные орудия и большое количество костей домашнего скота. Вероятно, постройка имела производственно-хозяйственное назначение, здесь также хранился инструмент. В центре двора, свободном от построек, размещались яма-ледник (цилиндрической формы, диаметром 1 м, глубиной 1,65 м) и зерновая яма (колоколовидной формы, горловина 0,8 м, расширяющаяся ко дну до 1,6 м). Стены зерновой ямы обожжены. В такой яме можно было хранить до 700 кг зерна.

Ещё две постройки и яма размещены за периметром усадьбы с северной стороны. Генетически, судя по заполнению котлованов, постройки связаны с усадьбой. Одна постройка прямоугольная (3 x 2,5 м, глубина 0,65 м). Другая имела углубленный на 0,3 м в материк котлован (1,5 x 1,8 м). Над котлованом на столбах был сделан навес. В 22 м от усадьбы на свободной территории находилась яма-скотомогильник (диаметр 1,8 м, глубина 2 м), в которой были найдены скелеты двух лошадей и коровы. Ограда усадьбы прослежена в виде ямок от столбов на протяжении 25 м.

В 45 м от первой усадьбы находилась вторая. Территория между усадьбами была незастроенной. Вторая усадьба исследована на площади около 200 м. На ее территории были выявлены 3 полуземлянки, из которых одна объединяла функции жилого дома и ремесленной мастерской, а также хозяйственная постройка. Жилища имели одинаковые размеры и конструктивное устройство с жилищами первой усадьбы. Лишь одно жилище имело большие отличия от других. Его площадь 10 кв. м, из которых 2,4 кв.м занимала большая глинобитная печь (диаметром 1,6 м). В центральной части постройки на опечке находился кузнечный горн. В постройке обнаружены многочисленные инструменты, железный шлак, обломки металлических изделий. Хозяйственная постройка второй усадьбы находилась возле жилищ, это был погреб такой же конструкции, как и в первой усадьбе.

Как видим, в обеих усадьбах четко прослеживается закономерность размещения построек по периметру, оставляя небольшой внутренний дворик. Жилые постройки расположены на некотором расстоянии от объектов хозяйственного назначения.

Что касается Автуничского поселения, то тут есть ряд нерешенных проблем осложняющих выделение усадебной планиграфии селища. В ходе исследований возник вопрос определения жилых построек. На большинстве синхронных памятников Черниговщины, Брянщины и Гомельщины жилища имеют углубленный котлован. На поселении Автуничи, несмотря на большие вскрытые площади, не выявлено ни одного такого объекта, который можно было бы четко интерпретировать как жилище. И, вероятно, жилища Автуничского комплекса были наземными, а поэтому и не прослеживаются в ходе археологических исследований, и только хозяйственно-производственные постройки имели котлованы [Моця 1997, 42-43]. Однако на селище, начиная со слоя рубежа XI-XII вв., четко выделяются группы построек, многие из которых разграничены оградами [Моця 1997, 63]. Так, в частности группа построек Д-3 объединяла 4 постройки и 3 ямы. Площадь в 810 кв. м была обнесена оградой [Моця 1997, 64]. Многие усадьбы функционировали немалое время, так как заборы между ними не раз поновлялись.

В XII в. практически все постройки на селище группируются по усадебному принципу и разделяются оградами. Постройки и другие объекты в усадьбах располагались полукругом, прямоугольником, либо по периметру. Как правило, в центре усадьбы оставался свободным от застройки дворик площадью до 120 кв. м [Моця 1997, 65]. Этнографы XIX-XX вв. отмечали, что крестьянский двор уже имел, как правило, трехрядную застройку. Лишь однажды, Н. Яснецким в 1939 г. в районе Изборска были отмечены, кроме дворов с трехрядной застройкой, также дворы, обстроенные по периметру, с непокрытой серединой (круглый двор). Со слов крестьян, пишет Яснецкий, это «наиболее древний вид» или «наиболее старинный тип» двора [Яснецкий 1960].

Таким образом, можно утверждать, что на рубеже XI-XII веков появляется, а затем становится господствующей усадебная застройка и уличная планировка селища Автуничи.

С середины XII в. дворовая застройка господствует и на поселении Лесковое. Сооружения усадеб концентрируются на небольшой территории вблизи жилища. Иногда расположенные рядом дворы разделены оградой [Шекун 1997, 90-93].

Также усадьбы площадью 250-800 м выявлены на селищах Подмосковья и в районе Куликова поля, в окрестностях Ельца [Гоняный 2000; Тропин 1999]. Они представляют собой жилую постройку с хозяйственной зоной, на которой располагается усадебный двор, окруженный хозяйственными сооружениями.

2. ДРЕВНЕРУССКОЕ СРУБНОЕ ЖИЛИЩЕ: ОСНОВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ КОНСТРУКЦИЙ

Общее количество обнаруженных археологами древнерусских жилищ насчитывает уже несколько тысяч. Однако даже такое видимое обилие материала до сих пор затрудняет реконструкцию жилых построек домонгольской Руси. Подавляющее большинство обнаруженных жилищ представляют собой лишь темные пятна культурного слоя в материковом грунте, что позволяет лишь выстраивать очень зыбкие гипотезы и конечно не дает возможности полностью реконструировать особенности конструкций и интерьер. В некоторых случаях найдены довольно существенные остатки, позволяющие делать выводы о конструктивных особенностях. Типы массовых древнерусских жилищ очень разнообразны, это постройки срубной или каркасно-столбовой конструкции, наземные, землянки или т.н. полуземлянки, однокамерные, двух- и многокамерные, на жилых и нежилых подклетах т.д. и т.п. В данной работе не ставилась цель систематизировать материал по всем видам жилых построек рядового населения Древней Руси, а поэтому мы остановимся лишь на однокамерном жилище срубной конструкции, частично углубленном в землю. Такие жилища в рассматриваемый период в большей или меньшей степени имели распространение на всей территории Древней Руси, в том числе и на территории Подесенья. (Рис. 11).

Автор присоединяется к тем исследователям, которые считают, что разницы между рядовыми городскими и сельскими жилищами не было [Успенская 1968, 194]. А поэтому для историко-археологической

реконструкции мы будем привлекать накопленный фактический материал, полученный как при исследовании сельских поселений, так и древнерусских городов. В некоторых случаях, таких, например, как реконструкция кровли, будут использоваться данные этнографических исследований.

2.1. Конструкция сруба.

Многие народы ориентируют свое жилище по сторонам света, и вход устраивают с южной стороны. Это связано как с соображениями сохранения тепла, так и с представлениями о доме как об особом микрокосмосе, который должен быть устроен также как и макрокосмос, тогда жить в этом пространстве будет безопасно. Подавляющее большинство древнерусских жилищ было ориентировано по сторонам света, а дверной проем располагался в южной стене.

На Русской равнине из всех строительных материалов недостатка не было лишь в дереве. Дерево было отличной альтернативой камню, особенно в условиях суровой зимы. Деревянную постройку отопить было намного легче, нежели каменную. И главным строительным материалом была сосна. Ал-Гарнати, арабский путешественник XII в., писал о народах живущих на севере: «А зима у них очень холодная. Их зимние дома – из больших бревен сосны, положенных один поверх другого...» [Путешествие...1971, 31]. Только араб не знал как на его языке называется это удивительно ровное и высокое дерево, поэтому он употребил слово, которое дословно означает «отдельно стоящая финиковая пальма с голым внизу стволом, приносящая мало плодов» [Путешествие...1971, комм. 62].. Во всяком случае, с глубокой древности до наших дней сосна стала основным строительным материалом для возведения срубных построек. Сосновая древесина, «красная» как нельзя лучше подходит для строительства по толщине и длине бревен, смолистости, прямослойности, а отсюда легкости обработки. Сосна обладает особой экологичностью и позитивно влияет на микроклимат в помещении. Так как срубное жилище Древней Руси не имело фундамента (а редких случаях сруб ставился на плахи-стулья, вкопанные по углам (как в домах древнего Вщижа) или на большие

камни), то иногда для нижних венцов использовался дуб. Так поступали, например, жители древнего Берестья [Лысенко 2007, 80]. (Рис.5). В углубленных жилищах фундамент был не нужен, так как сруб ставился на очень плотный материковый грунт. Древесина лиственных пород – «чернолесье», практически никогда не использовалась для строительства, это обусловлено плохими качествами в обработке, недолговечностью и даже с мнением о том, что такая древесина негативно влияет на здоровье человека. Белорусские крестьяне верили, что осина и ольха – Иудины деревья: «на осине Иуда удавился, а на Олешину кровь пускал» – отчего произошла горечь древесины у первой и краснота древесины у второй [Никифоровский 1895, прим. 467]. Очень редко такую древесину использовали для хозяйственных построек, дворовых и уличных настилов.

Остатки срубных углубленных построек удается обнаружить при раскопках очень редко – отмечал П.А. Раппопорт – сруб должен был стоять несколько отступя от стен котлована, чтобы помещались угловые врубки «в обло». Пространство между срубом и стенками котлована засыпалось землей, поэтому отпечатки бревенчатых стен не могут быть выявлены. Только в том случае если забутовка производилась глиной и была очень плотной в углах можно проследить следы рубки «в обло» [Раппопорт 1975, 128]. Следует добавить, что следы угловых врубок можно проследить еще в том случае, если в углах котлована для них были вырыты специальные углубления. (Рис. 4). Всё это не касается тех местностей, в которых грунт позволяет сохраняться органическим остаткам и возможно обнаружить хотя бы нижние венцы сруба.

Однокамерное жилище, как правило, в плане имело квадратную форму с длиной стен около 3 – 4,5 м. (Рис. 5-7). Степень глубины котлована зависела от особенностей грунта и в среднем составляла 0,5 – 0,8 м [Раппопорт 1975, 128].

При рубке сруба, соединительную чашку и уплотнительный паз всегда выбирали с верхней части бревна [Лысенко 2007, 81], несмотря на то, что это было крайне неэкономно в долгосрочной перспективе – туда проще могла попасть и застаиваться вода, начиналось гниение дерева, и сруб служил

намного меньше. (Рис. 9). Пазы между бревнами конопатили мхом [Лысенко 2007, 81].

В некоторых случаях стены сруба промазывали глиной с внутренней или наружной стороны и белили [Гончаров 1950, 41; Раппопорт 1975, 129]. Глиняная обмазка служила дополнительным утеплителем, так как со временем сруб усыхал, оседал, мох вываливался и выщипывался птицами, в пазах появлялись щели, и изба выстуживалась. Побелка, несомненно, носила сугубо эстетический характер, так как в курном доме неизбежно стены коптились. Белорусские крестьяне белили перед Пасхой верхние венцы сруба, потолок и курную печку, что, как отмечает этнограф «было непроизводительной тратой» [Никифоровский 1895, 219].

В срубном жилище, как минимум, было 12 венцов. При учете того, что бревна были толщиной 15-20 см. Такое количество венцов было в двух жилых постройках древнего Берестья. В одной постройке тринадцатый венец не сохранился, но он должен был перекрывать оконный проем [Лысенко 2007, 82-83]. По этнографическим исследованиям XIX века «на сруб полагается до 20 венцов, высота и длина избы обыкновенно квадратная 12-15 футов» [Иваницкий 1890, 12]. Хаты белорусских крестьян имели 15-16 венцов, при условии, что бревна были толщиной в 4 вершка (18 см) [Никифоровский 1895, 221-222].

2.2. Пол

Полы в жилищах были либо дощатыми, на лагах, либо глинобитными. Пол в срубных жилищах на Пронском городище был глинобитный в виде слоя плотно утрамбованной глины толщиной 10-14 см [Милонов 1931, 20].

Дощатые полы делались из ломовых досок, которые получали «ломали», разбивая бревна клиньями, таким образом, получались доски толщиной около 5 см. (Рис. 6). Также пол могли настилать из бревен расколотых пополам и стесанных с нижней стороны, а также горбыля.

Доски укладывались на лаги, которые либо укладывались прямо на землю, либо врубались в нижние венцы сруба. Так, на селище в ур.

Пидтополеве Каневского р-на, Черкасской обл. Украины, в жилище XII века было выявлено 13 досок пола, шириной около 20–30 см, лежащих перпендикулярно входу [Козюба 2000].

2.3. Дверь и запирающие устройства

Реконструкция устройства и функционирования двери в древнерусском жилище стала возможна благодаря находкам при раскопках древнего города Берестье. Однако и в других регионах находили детали дверных проемов. Так, во время раскопок киевского Подола в редких случаях удавалось обнаруживать срубы с дверными проемами. Один такой сруб встретился на Житном рынке в 1973 г. Дверной проем находился в его северо-западной стене на уровне третьего венца. Ширина проема 0,75 м. В торцах бревен проема имеются пазы, в которые вставлены соединительные бруски. Их концы врубались в верхнее и нижнее бревно проема. Еще один сруб с дверным проемом обнаружен возле дома № 6 по ул. Жданова. Дверной проем находился на уровне четвертого венца. Ширина проема 0,7 м [Толочко 1981, 84].

При исследованиях древнего Берестья были обнаружены уникальные постройки, в которых частично или полностью сохранились дверные проемы, а также сами двери. (Рис. 7, 16, 17). Всего было обнаружено 35 построек с сохранившимися дверными проемами (4 на полную высоту проема и 31 на частичную высоту). Ширина проема 63-89 см, средняя высота проема около 105 см. Также в Берестье было найдено 28 дверей, большинство из них высотой 73-78 см, несколько дверей достигали в высоту 108-112 см и только два дверных полотна были высотой 127 и 141 см. Двери были либо сшитые шипом из двух-трех досок, либо в виде одной широкой толстой доски. (Рис. 16, 17). Каждая дверь имеет выступы – «пятки», на которых она поворачивалась в гнездах нижнего и верхнего бревна проема [Лысенко 2007, 81-82]. (Рис. 15, 16). Небольшие размеры дверных проемов должны были препятствовать попаданию холодного воздуха внутрь помещения и оттока теплого воздуха наружу. В

такую дверь не входили, а в буквальном смысле этого слова, влезали: «...и яко влезоша въ истобку» [Лаврентьевская летопись 1997, л.76]. Двери в белорусских хатах XIX в. хоть и были больших размеров – 2 аршина, 5 вершков высотой (ок.160 см) и 16-20 вершков шириной (ок.85 см), делались также как и двери в избах их далеких предков, из 2-3 досок, скрепленных шипами-иглицами, на деревянных же петлях. Такие двери открывались непременно внутрь и обязательно с правой стороны [Никифоровский 1895, 217]. Двери на петках универсальное изобретение, позволявшее обходиться без металлических крепежных деталей, таких как петли и гвозди. Такая конструкция применялась также и в древнерусских иконах-складнях, как деревянных, так и металлических. (Рис. 18, 19). Нехватка и дороговизна металлических изделий делала дверь, ходившую на «пятах» популярной в строительной культуре разных регионов мира и у разных народов. Так, идентичные берестейским дверным полотнам двери и поныне используются в глинобитных домах африканского племени догонов. (Рис. 20). В традиционных срубных жилищах многих народов Северного Кавказа также использовалась конструкция дверей на петках. [Текеев 1989].

Двери могли быть снабжены разного рода запирающими устройствами – крючками [Арциховский 1949, 126], пробоями для навесного замка. «В древнерусском городе и деревне замки широко представлены уже в напластованиях IX-X вв.» [Древняя Русь...1997, 14]. (Рис. 26). Находки замков и ключей распространены не только на территории древнерусских городов, но и на селищах. При этом они составляют значительную часть находок предметов из металла. Так, на городище Слободка, замки, ключи и их фрагменты, а также дверные пробойники составляют большинство находок металлических предметов после гвоздей и ножей [Никольская 1987, 103]. А на поселении Лесковое найдено 19 ключей, а также фрагменты 15 замков [Шекун 1997, 77].

На замок закрывались и некоторые хозяйственные постройки, к примеру, на территории хозяйственной застройки селища Петруши в 36 км от Чернигова найдено 7 ключей и 4 замка [Веремейчик 1990, 81]. Почти в каждом жилище

городища Церковище на Смоленщине, как отмечает В.В. Седов, найдены железные ключи от внутренних и навесных замков, а также сами навесные цилиндрические замки [Седов 1961, 181]. Массивными пробоями с цепью запиралась кладовая на городище Слободка, в которой хранились сельскохозяйственные орудия [Никольская 1987, 106]. На замок закрывался погреб на Райковецком городище [Гончаров 1950, 48]. Кроме сложных цилиндрических замков на Руси использовались более простые в исполнении и дешевые цельнодеревянные замки, у которых единственной железной деталью был ключ, а иногда и он был из дерева. Такие замки сохранялись в русской деревне до XX в. [Древняя Русь...1997, 16]. (Рис. 19).

Деревянный замок был найден при раскопках Берестья [Лысенко 2007, 99]. Ныне он хранится в фондах музея «Берестье». Фотографии этого замка нам были любезно предоставлены Светланой Павловной Щерба, заведующей филиалом «Археологический музей «Берестье». Замок сохранился частично, но тот уцелевший фрагмент позволяет представить конструктивные элементы замка. Отсутствует засов и сувальды-желуди, сохранившаяся часть представляет собой основной элемент замка, в котором располагался секретный механизм. Размеры сохранившейся части: длина – 40 см, ширина 12,5 см, толщина – 5,5 см, размеры отверстия под деревянный гвоздь – 2,5 см x 1,8 см. (Рис. 21-23).

Внутреннее устройство деревянного замка нехитро и, в сущности, то же что и у железного. (Рис. 24, 25а, 25б). Отличие в том, что в железном замке сувальды, когда замок запирается, двигаются силой поворачивающего ключа, а в деревянном силой земного притяжения просто падают вниз. Другое отличие в том, что, вставив, ключ не поворачивают, а лишь приподнимают. Поперёк замка идёт сквозная прорезь, в которой двигается засов, собственно и запирающий дверь. В самом засове, квадратном бруске, есть пропилены, в которые падают сувальды. Выше ещё одна прорезь, но не на всю ширину замка. В неё вставлялся ключ - палочка с выступами. Число выступов и расстояния между ними соответствовали количеству и расположению сувальд.

В каждой сувальде, на высоте прорези для ключа, своя прорезь. Палочку-ключ вставляли в замок до упора и приподнимали вверх. Если ключ подходил к замку, т.е. выступы на ключе подходили к прорезям в сувальдах, последние поднимались тоже. Оставалось только выдвинуть из дверного косяка засов и дверь можно открывать. Так же, при вставленном и приподнятом ключе, засов вдвигали в косяк и вытаскивали ключ [Смоленский /<http://kraewedi.narod.ru/index.htm>]. К дверному полотну такой замок крепился деревянными гвоздями. Деревянный замок, как и дверь «на пятках», является древнейшей и универсальной формой относительно сложного запирающего устройства, которая существовала и существует у разных народов, в частности, в настоящее время такими замками пользуется племя догонов в Мали и йеменские арабы. (Рис.20, 25а, 25б).

Весьма сомнительным можно считать стереотип об открытости древнего человека, об отсутствии разного рода замков и запоров в жилищах и хозяйственных постройках. Человек всегда стремился сохранить свое имущество, свой небольшой частный мир. Богатый охранял свое богатство, а бедный пытался сохранить то немногое, что помогало ему влачить хотя бы сносное существование. Живущие в страшной бедности догоны, тем не менее, запирают свои жилища, то же делали и сельские жители древнерусской эпохи.

В домах на подклетах и в углубленных жилищах, как правило, имелись лестницы. Они вырубались из толстого бревна и были весьма массивными, так, что их можно было помещать прямо на тесовый пол [Древняя Русь...1985, 152]. Похожими лестницами пользовались жители древнего Берестья. (Рис. 27). Такая лестница, возможно, называлась *шагла* (шегла, щегла), это устаревшее еще в XIX в. слово сохранилось в вологодских и других северных говорах, означает «лестницу в одно бревно с вырубками или набоями» [Даль 1980, Т.IV, 618]. Лестницы такого типа сохранились до наших дней в африканском племени догонов. (Рис. 28).

2.4. Окно

Современному человеку дом без окна немыслим. Однако, как оказалось, дома наших предков часто обходились без них. Как показали этнографические исследования, чем древнее дом, тем меньше в нем окон. Археологические исследования лишь несколько раз зафиксировали оконные проемы в древнерусских жилищах. Самое большое открытие было сделано при раскопках древнерусского города Берестье, где были найдены жилые срубы на 11-12 венцов. Уникальный случай в отечественной археологии. Ведь даже в Новгороде высота обнаруженных в ходе раскопок жилых построек не превышала 3-х венцов. А в найденных хорошо сохранившихся хозяйственных постройках Киева ни оконных, ни дверных проемов не обнаружено, так как данные постройки являлись, вероятно, погребями [Толочко 1981, 78]. В частично сохранившихся срубах Райковецкого городища также не обнаружено дверных проемов, а единственное окно почему-то располагалось на высоте 0,65 м от пола [Гончаров 1950, 42].

Даже в Берестье не все жилые постройки имели окна. Так в постройке 59А, сохранившейся на 12 венцов с печью и дощатыми полами нет и намека на окно [Лысенко 2007, 82]. Соответственно оконный проем в рядовых жилых постройках древнерусской эпохи необязательный структурный элемент. Исследование Берестья показало, что если окно (окна) в жилище было, то оно было волоковым. Волоковое окно – небольшое окно, вырубленное в двух расположенных друг над другом бревнах деревянного сруба на полбревна вверх и вниз. Изнутри волоковое окно закрывается (заволакивается) тесовой задвижкой-волоком, выполненной из доски. (Рис. 12). Предшественником такого окна был просветец, простой проем в бревне без рамы. Позднее в такой проем деревянными гвоздями крепились рама, в которой взад-вперед двигалась деревянная дощечка-задвижка [Харузин 1907, 52; Лысенко 2007, 81-82]. И если в берестейских жилищах задвижка была с внешней стороны дома, то, как показали этнографические исследования крестьянских жилищ в XIX-XX вв., доска-задвижка располагалась внутри дома [Харузин 1907, 52; Лысенко 2007, 81-82]. (Рис. 13-14).

Волоковые окна, особенно в сочетании с курной печью, уже в нач. XX в. были глубокой архаикой. Размеры волоковых окон в берестейских домах были от 40 до 60 см в ширину и вырубались они в верхних венцах сруба [Лысенко 2007, 83]. Окно в жилой клети на Райковецком городище было размерами 30 х 35 см [Гончаров 1950, 41-42]. Летописец отмечает малый размер окошка в келье святого Исаакия Печерского «яко ся вместяше рука» [Лаврентьевская летопись 1997, Л.65]. Такие размеры оконных проемов также должны были способствовать сохранению тепла в доме. И хотя они не давали много света, но все же были нужны для отвода дыма во время топки печи, для обзора своего усадебного хозяйства, ну и конечно для доступа света хотя бы в теплое время года.

2.5. Кровля

В сочинении восточного ученого-энциклопедиста Ибн-Русте «Дорогие ценности» (нач. X в.) так описано жилище славян: «...каждый из них выкапывает себе в земле род погреба, к которому приделывают *деревянную остроконечную крышу, наподобие крыши христианской церкви...*» [Гаркави 1870, 266]. Из отрывка видно, что автор описал сооружение, углубленное в землю. Углубленное жилище действительно лучше сохраняло тепло, тем более при довольно примитивном способе отопления.

Ибн-Русте провел аналогию между крышей славянского дома и крышей христианской церкви. Многие исследователи, начиная с П.А Раппопорта, утверждали, что мусульманский ученый имел ввиду четырехскатную кровлю. Но, какие христианские храмы IX-X вв. имели такое покрытие? Ведь распространена была базилика, также постепенно становился популярным купольный храм. Ни в одном, ни в другом случае нет четырехскатной кровли. Какую же крышу имел ввиду автор? Вероятно ту, которая была ему знакома по восточно-христианской архитектуре – двускатную кровлю базиликального храма. Такие храмы он мог видеть на Ближнем Востоке и на Кавказе. (Рис. 29).

Центральный неф трех- или пятинефной базилики покрыт остроконечной двускатной крышей, именно она натолкнула Ибн-Русте на такую аналогию.

Мусульманский ученый описывал жизнь славян второй половины IX в., когда их жилище представляло собой землянку – «и на крышу накладывают земли» – отмечает он в том же трактате, с совершенствованием же архитектурных форм славянского, а потом и древнерусского жилища, появляется полуземлянка, наземное срубное жилище, которое по древней традиции также покрывается двускатной крышей, с соломенным, тесовым или другим покрытием. Русская кровля традиционно была безгвоздевой и, скорее всего, двухскатной с самцово-слеговой конструкцией, в большинстве случаев крытой тесом или дранью [Русские 1999, 254]. (Рис. 30, 31, 34, 35).

«Приколачивание кровельных досок железными гвоздями – нечто совершенно новое. Вообще для постройки восточнославянского дома характерно полное отсутствие железных гвоздей и других металлических деталей. В некоторых случаях вместо железных гвоздей употребляли деревянные, а на крыше их заменяли гнетом» [Зеленин 1991, 294]. При археологических раскопках жилищ гвозди являются единичными находками. Пожалуй, исключительным случаем является находка в заполнении жилища около 40 гвоздей, в том числе и вбитых в деревянные конструкции [Козюба 2000].

Естественно, что находки кровельных конструкций целиком уникальны для отечественной археологии. Практически полностью конструкции кровли удалось проследить в хозяйственной постройке возле сруба 12 на Житном рынке в Киеве. Крыша была двухскатной и состояла из колотых досок шириной 25–30 см. Доски плотно подогнаны одна к другой, а швы между ними перекрыты сверху узкими и тонкими планками [Толочко 1981, 84]. В данном случае, это вариант двухслойной тесовой кровли в карту.

Суть самцовой тесовой кровли в том, что в самцы – бревенчатые обрубки, замыкающие треугольный фронтон – чело избы, врубаются длинные бревна – слегги. Верхний конец досок кровли, лежащий на князевой слеге зажимался

охлупнем (шеломом) – длинным тяжелым бревном с треугольной выемкой внизу. Конец охлупня обычно представлял собой естественное корневище дерева, которому придавали разнообразные фигурные очертания (конек). (Рис. 38). Выступающие торцы слег кровли часто зашивали досками – причелинами. В нижние слуги врубались курицы – еловые жерди толщиной 6-12 см [Древняя Русь...1985, 149] вместе с куском корневища, загнутым наподобие естественного крюка длиной до 40 см [Древняя Русь...1985, 149]. (Рис. 36, 37). На эти крюки клались потоки – деревянные желоба с двух сторон крыши. В потоки вправлялись концами тесины кровли. Курицы крепились либо между двумя верхними бревнами стены с нижней заделкой подкровельной части в первую слугу, либо заделывались сверху в верхнее бревно стены и в слугу. (Рис. 36, 39). И почти повсеместно этнографами отмечен такой способ дополнительного крепления куриц к слугам, как фиксирование их в местах врубки в слуги с помощью одного или двух клиньев. Это распространённый прием, хотя и не очень эффективный из-за возможного ослабления соединения по мере усыхания клиньев [Косенков 2007]. В некоторых случаях курицы могли играть роль стропил, тогда они соединялись между собой в коньковом узле. Главное в этом, чтобы поток устойчиво лежал на крюке и чтобы тесины кровли, лежащие на слугах плотно примыкали к верхнему бревну сруба [Косенков 2007].. Количество куриц зависело от длины крыши, в среднем они врубались с расстоянием около метра друг от друга. Так в одном монастырском документе XVII века записано, что «куплено...десять куриц на кровлю» [Мильчик 1981, 16], таким образом, длина крыши в данном случае составляла около 5 метров. Сначала устанавливают самые крайние курицы. Каждая из них должна быть ниже предыдущей – для уклона водостока вдоль сруба. В середине карниза делают перелом линии, чтобы вода от центра устремлялась к краям кровли [Соболев 1997; Соболев 2003]. Судя по археологическим данным, самцовая кровля была распространена в древнерусскую эпоху и на русском Севере и на русском Юге [Харламов 1976, 52-53]. Тесовые двускатные крыши на «курицах» и с «самцовыми» фронтонами

были в берестейских домах [Лысенко 2007, 83-84]. В русских городах (Новгород, Минск, Старая Ладога, Берестье, Торопец) при раскопках найдены самцовые бревна, курицы, следи, что также свидетельствует о самцовой конструкции кровли [Раппопорт 1975, 135-136].

Важную роль в кровле играет поток-водомер, на него опираются тесины покрытия, по нему скатывается вода во время дождя. Для потока необходима смолистая сосна большого диаметра – 35-40 сантиметров. Важна и ширина жёлоба, в каждом случае особая. При драночной кровле она может быть небольшой, а для тёсовой и из ломовых досок – значительной, из расчёта толщины двух слоёв покрытия и ещё, чтобы оставалось свободное пространство для потока воды. Вылет водомера зависит от высоты дома, расположения ближних построек, других обстоятельств. На амбарах, банях, иных низких постройках вылет может быть около пятидесяти сантиметров, на домах – от метра и больше. (Рис. 34).

Когда длина крыши небольшая, а следи сделаны из достаточно толстых бревен, то стропильная конструкция необязательна. При длине сруба в 4 м, можно сделать одни стропила посередине стены, ноги которых врубить непосредственно в верхние бревна продольных стен – мауэрлаты. Для большей прочности конструкции стропильные ноги можно врубить не в мауэрлаты, а в пазы, выполненные на концах длинных (на всю ширину дома) бревен – переводов.

Тёс на кровлю идет три-пять сантиметров толщины и от 15 до 20 шириной, может быть шире. На нижних досках канавки выбирают на стороне, которая будет при короблении прогибаться, а на верхних на выгибающейся стороне. Доска обычно коробится по дуге, обратной годовым кольцам. Посмотрев на рисунок спила с торца, легко определить, как поведёт себя доска в будущем. Желобки выбираются рубанком со специально заточенным ножом и ограничителем – упорной дощечкой, прикрепленной к рубанку сбоку. Она скользит по боковой стороне доски, и поэтому жёлоб ровно проходит в двух-трёх сантиметрах от кромки. Чтобы получить

необходимую глубину дорожек, проходят по два-три раза, по мере углубления подбивая лезвие. Обычно тёсом кроют в карту – доски вплотную укладывают друг к дружке, и второй ряд, верхний перекрывает продольные стыки первого. (Рис. 32). Если не хватает материала, то тёс кладется «вразбежку»: между досками первого слоя оставляются широкие щели – промежутки, но так, чтобы верхние доски надёжно перекрывали их. (Рис. 33). Желобки нижних досок выполняют пограничную роль, собирают попавшую на них влагу и под кровлю не попадает ни одной капли. А так укладывать тёс начинают с самого края крыши. Вначале прибивают три-четыре доски первого ряда. Затем точно над их продольными стыками крепят доски второго ряда. С краю помещают узкую доску – в половину ширины основной. Потом последовательно укладывают доску нижнего ряда, за ней — верхнего, перекрывающую щель и т.д., то есть доски нижнего ряда постоянно настилаются с опережением на одну. Последней сверху опять ляжет узкая доска. Такой же порядок покрытия кровли «вразбежку». Величина уклона тесовой крыши в современных домах составляет 40° [Ланге 1999, 72]. На миниатюрах XVII века угол наклона кровли избы составляет примерно 40-45°. (Рис. 40, 41). Вероятно, что уклон кровли древнерусского жилища был близок к этому показателю.

Еще одним распространенным способом покрытия крыши являлась солома. (Рис. 43). Соломенная кровля проста в изготовлении, дешева, хорошо пропускает дым от курной печи и напротив удерживает от проникновения в жилище осадки, толстый слой соломы – прекрасный изолятор [Федотов 1999]. Однако утверждать, что в домонгольской Руси соломенная кровля являлась господствующим покрытием для сельских жилых и хозяйственных построек не вполне обоснованно. Соломенная кровля при всех ее достоинствах менее добротна и капитальна нежели тесовая. И главное ее достоинство – доступность и дешевизна материала. А это стало очень актуальным с уменьшением количества леса, что связано не только и не столько с изменением ландшафта под влиянием хозяйственной и производственной деятельности человека, но в большей степени с развитием владельческой системы, когда свободного леса,

доступного крестьянам становилось все меньше и меньше. Так этнографы отмечали распространение соломенной кровли на крестьянских постройках Псковщины в конце XIX в. и тогда же распространилась стропильная конструкция, вытеснив самцово-слеговую [Привалова /<http://edapskov.narod.ru/pskov/stroitkytprkr.htm>]. Тогда же дороговизна леса вынуждала крестьян строить хозяйственные постройки из тонких жердей с плетеными стенами и т.п. Даже самое ценное – хлеб приходилось хранить в скирдах и одоньях, только потому, что крестьянское хозяйство не могло уже себе позволить роскошь в виде срубных построек [Селиванов 1987, 59]. Так и тесовые крыши отодвигались всё дальше и дальше на Север и в Сибирь, где отсутствовало крепостничество, и свободного леса было в избытке.

На кровельные работы шла прямая и длинная ржаная солома, сжатая серпом или скошенная косой. Широко распространенным кровельным материалом был тростник. Первый ряд снопов на кровле образует стреху – нижний свисающий край крыши. Его выкладывают из целых связанных снопов – обычных или двойных. (Рис. 42). Все снопы нужно сделать одинаковыми, чтобы стреха была равномерной по толщине и красивой. Помимо обычных одинарных снопов, специально для стрехи вяжут двойные. Чтобы получить двойной сноп для укладки стрехи, вначале нужно связать обычный одинарный. Перевязать его не туго связлом, затем разделить сноп руками на две части и повернуть их относительно друг друга на 180°. Метелки обеих частей окажутся направленными в противоположные стороны. Сделать поворот еще на 180°, и метелки соединятся. Получатся два снопа, соединенные между собой одним связлом.

При вязании снопов толщину их элементов исстари измеряли рукой – горстями, называемыми в некоторых областях «ручёнками». Горсть – это лучок соломы или тростника, который можно взять в ладонь со сжатыми пальцами. Для крыш применяют снопы, состоящие из 8-10 горстей. Подсчитать количество снопов, нужных для стрехи, нетрудно. Нужно вбить в землю два колышка на расстоянии одного метра друг от друга и уложите между ними в

один ряд, плотно прижав друг к другу, заготовленные снопы. Предположим, что одном метре уложилось десять снопов, а периметр крыши – 16 метров, то потребуется 160 снопов. Снопы необходимо выровнять с торцевой части специальной лопаткой с набитыми гвоздями. Этой же лопаткой снопы нужно расчесать, удаляя обломки соломы и сорную траву.

Для второго и последующих рядов применяют несвязанную солому или тростник. Второй ряд расстилается с таким расчетом, чтобы прикрыть свясла первого ряда снопов. Расстеленный по скату крыши тростник прижимают к слегам притугами. Притуги это тонкие жерди диаметром 4-5 см. Они должны быть прямыми, прочными и гибкими. Лучше всего их изготовить из ивы, но подойдут и осиновые и ольховые жерди. На притуги насаживают снопы первого ряда, ими же прижимают слои тростника или соломы к слегам крыши. Привязываются притуги к слегам тонкими ивовыми или березовыми прутьями-вицами. Прижав притугу как можно плотнее к крыше коленом, нужно просунуть конец вицы рядом с притугой через слой тростника на чердак. Тот, кто будет находиться на чердаке, должен взять конец вицы и, обведя ее вокруг слеги, просунуть через слой тростника на крышу. На крыше вицу надо завязать и подсунуть под притугу. В той же последовательности расстилаются и прижимаются притугами все последующие слои тростника до самой вершины. При этом ряды тростника будут располагаться ступеньками. Завершают работу заделкой тростника или соломы на вершине крыши. На двускатной крыше тростник перегибают через конец вначале с одной стороны, а затем с другой. Сверху на коньке двускатной крыши укрепляют так называемые козлы, или цепи. Их звенья сколачивают из жердей одинаковой длины на земле. У нижнего конца каждого звена вколачивают в заранее выдолбленные гнезда деревянные штыри. Звенья цепи поднимают на крышу и расставляют на коньке на равном расстоянии друг от друга. На штыри укладывают достаточно тяжелые притуги, которые плотно прижимают звенья цепи вместе с тростником к скатам крыши. На самую верхушку цепи также укладывается слега.

3. ДЕТАЛИ ИНТЕРЬЕРА

«Вещь – это весть. С годами вещи приобретают голос вещей» – написал когда-то об археологии поэт и писатель Валентин Берестов. Действительно, те немногие дошедшие до нас предметы прошлого – это голоса тех людей, которые их сделали, ими пользовались. Эти предметы хранят тепло их рук и содержат незаменимую ценнейшую информацию. К большому сожалению, лишь немногие вещи из прошлого дошли до нас. Очень мало источников по интерьеру древнерусского жилища, это связано с тем, что большинство предметов мебели и быта изготавливались из дерева. И далеко не везде природные условия позволяют этим предметам сохраниться в почве. Тогда на помощь приходят материалы, накопленные исследователями-этнографами. Ведь крестьянский быт был всегда очень традиционен, особенно в нашей стране. Таким образом, археология, этнография и другие науки идут рука об руку, решая проблему реконструкции интерьера рядового древнерусского жилища.

3.1. Печь

Наличие печи в древнерусском жилище было обязательным, а её отсутствие делало дом нежилым. Само наименование дома – изба, истьба, истобка происходит оттого, что помещение отапливалось. Важная роль печи подтверждается и пословицами такого рода: «Догадлив крестьянин, на печи избу поставил» или загадка: «Чего из избы не вытащишь?». Печь являлась одним из наиболее значимых элементов жилища. От её положения в доме зависело расположение и других частей крестьянской избы. С печью связаны основные характеристики внутреннего пространства избы. Печь связывалась с категорией «своего»: «Кто на печи сидел, тот уже не гость, а свой». Из всех функций печи выделяется приготовление пищи, значимое не только с хозяйственной, но и с ритуальной точки зрения: сырое, неосвоенное, нечистое превращается в вареное, освоенное, чистое. Печь, как и дом, входит в систему перекодировок между микро – и макрокосмом. Например, такие термины для

обозначения печи, как чело, щеки, ноги, плечи, связаны с приданием печи антропоморфного образа [Красноперова 2002, 144].

Материалов по конструктивным особенностям древнерусских печей накоплено немало. В XII – XIII вв. печи на всей древнерусской территории создавались по одним и тем же принципам, различаясь в несущественных деталях. Печь (древнерусс. «пещь») была глинобитной на плетеном из прутьев каркасе. (Рис. 46). Располагалась, как правило, в одном из углов жилища. Чаще всего справа или слева от входа, но в однокамерных жилищах печь располагалась в дальнем от входа углу [Раппопорт 1975, 109]. В жилищах Старой Рязани печи располагались практически всегда в северо-западном углу при ориентации жилища по сторонам света и входе с юга [Монгайт 1955, 50-60]. Печи имели полусферическую форму. Наружный диаметр колебался в пределах 1 – 1,5 м, высота 1 – 1,2 м. Толщина стенок в нижней части 0,2 – 0,3 м, а выше – не более 0,1 – 0,15 м [Раппопорт 1975, 154]. Каркас сплетался из прутьев, скорее всего, орешника, так как они обладают необходимой гибкостью и прочностью. В процессе использования печи каркас выгорал, оставляя в глине отпечатки и полости. Дымоходное отверстие отсутствовало. П.А. Раппопорт отмечал, что «вопрос о том, существовали ли в XII-XIII вв. печи, имевшие в куполе отверстие...пока остается открытым» [Раппопорт 1975, 154]. Однако наличие отверстия в куполе печи было нецелесообразно из пожарной безопасности, так как при топке, из отверстия, непременно должны были вылетать искры и даже языки пламени, что в деревянном доме создавало угрозу воспламенения и при этом терялась так необходимая теплоотдача. Печи не раз становились причиной пожара, так от печи загорелась крыша просвирни в Киево-Печерском монастыре, в которой трудился преподобный Спиридон: «Прилучися некогда сему блаженному вжещи пещь, якоже и всегда, на испечение просфурам, и от пламени огненаго загореся покровь храму...»[Киево-Печерский патерик].

По этнографическим данным наличие дымоходного отверстия в курных печах XIX в. не отмечено [Харузин 1907, 185]. Дым выходил всегда через устье

печи, через него же закладывались дрова и ставились сосуды для приготовления пищи. Отсутствие потолка в доме позволяло дыму из печи подниматься высоко под крышу и оставляло жизненное пространство для хозяев. Хотя, конечно, задымленность помещения была, но как писал Даниил Заточник «горести дымные не терпев, тепла не видати» [Слово Даниила Заточника 1966, 29].

Топка по-черному, отмечает Л.Милов, была непосредственно обусловлена суровыми природно-географическими условиями: долгая и морозная зима, холодные осенне-весенние погоды. Такой способ топки печи, даже при открытых дверях и окнах, быстро нагревал помещение при сравнительно небольшом расходе дров. Неудобства, связанные с этим способом топки, сказывались не столь ощутимо, так как нижний уровень дымового слоя во время топки избы в помещении без потолка был на довольно большой высоте и позволял находиться в избе. К тому же дым постоянно дезинфицировал помещение, сводя к минимуму число тараканов, сверчков и т.п. [Милов 1998]. Кроме того, курная печь «не дает угара и способствует сохранности материала, из которого построен дом» [Зеленин 1991, 300]. А.Т. Болотов отмечал, что глиняные печи широко были распространены в крестьянских жилищах XVIII в.: «Я могу, – пишет он, – из собственной своей и многолетней опытности смело утверждать, что глиняный печи прочнее и лучше сделанных из кирпича и каменьев... Наконец... и самая отчолки нет ни малой нужды делать и сводить из кирпичей, а можно и их по сделанным из дерева дугам и кружалам поделать из той же глины и обгоревши будут столь же хороши, как лучшая своды» [Цит. по: Милов 1998]. Однако, в конце XIX века глинобитные печи в жилых избах были уже редкостью, но еще сохранялись в овинах [Никифоровский 1895, 241, 273].

Иногда на куполе печи сооружалась прямоугольная или квадратная жаровня с бортиками высотой до 12 см [Раппопорт 1975, 154]. (Рис. 47, 2). В печах раннего времени в своде делалось небольшое отверстие, выполнявшее функцию конфорки, а не дымохода, в него ставили горшок для приготовления

какой-либо пищи или грели воду. (Рис. 47, 1). Печи могли ставиться прямо на полу, но чаще всего они помещались на опечке, который мог быть в виде останца материковой глины, специально оставленном при рытье котлована жилища, но чаще опечек имел столбовую или срубную конструкцию. Опечек это квадратный постамент высотой около 0,5 м размером, как правило, 1,2 x 1,2 м [Раппопорт 1975, 155]. Внутреннее пространство опечка забутовывалось глиной и черепками. Забутовка являлась и подом печи. Для территории Подесенья (Вщиж, Осовик) характерна срубная конструкция опечка [Раппопорт 1975, 155]. В том случае, если пол в жилище был дощатый, на лагах, опечек сооружали не на нем, а прямо на грунте, чтобы давление печи не вредило конструкциям избы. Это отмечалось и этнографами XIX в.: «...устраивают деревянный опечек независимо от переводин пола...другие, ленясь врыть столбы, устраивают опечек на переводинах пола....От этого, не пройдет и двух лет, как изба начинает сильно осаживаться в тот угол, где печь...» [Селиванов 1987, 80].

Устье печи обычно было направлено в сторону входа в жилище. Иногда рядом с печью находилась небольшая предпечная яма, куда мог сметаться мусор или выгребалась зола из печи. Не исключено, что в такую яму могла спускаться хозяйка, чтобы не сгибаться над устьем печи.

Печи обычно «били» в теплое время года, в начале или конце лета. Поэтому глиняный раствор высыхал за 3-4 дня. И надо было торопиться бить печь желательнее в один день. Разумеется, одному человеку справиться с подобной работой в столь короткий срок было не под силу. Поэтому глинобитные печи сооружали *помочью*, призывая на помощь соседей или родню. Глина, применяемая для изготовления глинобитной печи, должна была иметь минимум влаги и в то же время не терять необходимую пластичность. Слишком жирная и слишком тощая глины не годились, так как у них не было необходимой прочности. В жирную глину в качестве отощителя добавляли песок, резаную солому, возможно также и навоз. В тощую глину необходимо было вмешивать глину жирной консистенции.

Реконструкций глинобитных печей довольно много в Европе и России. В 1970-е австрийские археологи музея в Аспарне реконструировали несколько печей эпохи раннего железа. Печи эти действующие, в них выпекают хлеб и лепешки для туристов [Малинова 1988, 66-67]. В наши дни реконструировали глинобитные печи участники ряда клубов и фестивалей исторической реконструкции и живой истории «Щуров Мост» (Суздаль, Россия), «Олешье» (Херсон, Украина) и других. (Рис. 48-53, 69). Однако из-за нехватки навыков, отхода от древней технологии, такие реконструкции часто не дают нужного результата. В частности, необходимо как можно дольше сушить печь естественным способом, что занимает 1-2 недели. Конечно, таким количеством времени не всегда располагают реконструкторы, поэтому они зачастую ускоряют процесс сушки путем растопки печи или розжига костра вокруг нее. Это, как правило, приводит к появлению больших трещин, к которым также может привести неправильное приготовление глиняного раствора. Однако наличие трещин в глинобитной печи было обычным явлением и в древнерусскую эпоху. Старая, долго использовавшаяся печь, в конце концов давала по поверхности трещины. Летописец отмечал, что печь в келье Исаакия Печерского «бе бо утла» и когда огонь в ней разгорелся то пламя выходило через трещины – «и нача палати пламень оутлизнами (трещинами – Р.Н.)» [Лаврентьевская летопись 1997, Л.66].

В июне 2010 года нами была предпринята экспериментальная реконструкция древнерусской глинобитной печи. (Рис. 54-68). Работы велись при поддержке и непосредственном участии директора Кокинской средней школы, а ныне зам.директора департамента образования Брянской области Ивана Ивановича Потворова, зам. директора Кокинской школы А.И. Потворова, а также учащихся школы – Виктории Семьшевой, Юлии Кузнецовой, Яны Хвостенко, Дениса Лямзина, Валентина Филина.

Процесс реконструкции можно разделить на несколько этапов.

1. Подготовка места для строительства печи, заготовка прутьев для каркаса. На этом этапе нами было выбрано место строительства и были заготовлены прутья орешника и лозы разной толщины.
2. На следующем этапе был сделан квадратный каркас для пода печи. Для этого между забитыми в землю колами был сделан невысокий плетень. (Рис. 54). После, пространство внутри пода забутовывалось глиной, которая плотно трамбовалась. Получился квадратный под размерами 1,2 м x 1,2 м высотой 0,15 м. (Рис. 55).
3. Затем был сплетен каркас печи из прутьев. Относительно толстые прутья орешника длиной до 2,2 м забивались в под и сгибались, создавая тем самым полусферу. При необходимости прутья перевязывались лыком. После, полученный каркас часто переплетался более тонкими прутьями лозы и орешника. Высота полученного каркаса 0,8 м, диаметр 1 м. (Рис. 56, 57).
4. На следующем этапе готовился глиняный раствор. Нами была взята довольно жирная глина, которая смешивалась для отощения с соломистым навозом и небольшим количеством воды. Полученная смесь в яме вымешивалась ногами до получения однородной вязкой массы. (Рис. 58).
5. Затем, глиняным раствором был обмазан каркас, таким образом, что у основания печи стенки получились толщиной 20-25 см, выше обмазка была толщиной 10-15 см. Размеры устья печи – ширина – 0,3 м, высота – 0,45 м. (Рис. 59, 60).
6. Печи предстоял длительный процесс сушки, на который ушло около недели. (Рис. 61). Но даже при этом печь была недостаточно сухой. В течение просушки в печи разводился небольшой огонь. (Рис. 62). К большому сожалению, печь однажды подверглась частичному разрушению. Однако дефекты нами были оперативно устранены.

7. Первая серьезная топка печи привела к появлению двух небольших трещин. Мы не стали их заделывать, т.к. они не увеличивались в размере, и, кроме того, мы хотели проследить их влияние на процесс топки. Печь топилась около 2 часов, после сгорания дров осталось значительное количество угля. (Рис. 63). Жар в печи держался около 3 часов. Та часть каркаса печи, которая соприкасалась с огнем, полностью выгорела. (Рис. 64).
8. Конечно, главным этапом нашей реконструкции стало приготовление в печи каши и изделий из теста. (Рис. 65-68). Для этого печь топилась 1,5 часа дровами из яблони. Когда дрова прогорели и немного спал жар, в печь был поставлен горшок с ингредиентами для гречневой каши (гречка, вода, соль) и пирог из дрожжевого теста с ягодами. Также нами из дрожжевого теста были испечены лепешки наподобие лаваша, которые бросались прямо на раскаленный под печи. Каша была приготовлена за 20 минут и оказалась очень рассыпчатой. Пирог немного не пропекся в центре, по причине большого слоя ягод, которые пустили воду при запекании. Лаваш оказался абсолютно пропеченным. Несомненно, что при значительной практике в данной печи можно готовить разнообразные блюда как аутентичной древней, так и современной кухни. Что, в принципе, и делают в центрах живой истории и скансенах в разных странах Европы.

При демонтаже печи выяснилось, что та часть каркаса, которая находилась внутри обмазки, выгорела лишь частично, в основном в местах трещин, несомненно, что при длительном использовании печи каркас выгорел бы полностью.

3.2. Мебель. Освещение жилища.

В жилище XII в. в ур. Пидтополеве обнаружены остатки неподвижной мебели, это лавка, длиной 2,3 м и шириной 0,8 м, которая шла вдоль стены. Лавка сбита из четырех досок брусом [Козюба 2000]. Такие же лавки шириной

до 1,2 м найдены в жилищах на поселениях Иван-Гора, Чучин. Как видим, археологический материал совпадает с этнографическим: «Убранство избы состоит из непрерывных и недвигаемых, поставленных кругом избы лавок» [Иваницкий 1890, 12]. Лавки в крестьянских избах XIX века были шириной до 12 вершков (ок. 55 см), упирались концами в угловые части стен, а одним ребром плотно входят в стену. Для устойчивости по середине лавки устраивается неподвижно укрепленный столбик» [Никифоровский 1895, 232]. (Рис. 85, 88). Лавки были местами и для сиденья и для спанья, но основным спальным местом являлись нары-полати, которые обычно устраивались около печи, на столбах. (Рис. 10).

Непременным предметом интерьера был стол. По иконографическим и этнографическим материалам можно сделать вывод о том, что стол представлял собой сооружение на двух козлах со столешницей из 2-3 досок сбитых шипами, не менее 2 аршин в длину и 1 аршина в ширину. Козлы представляют собой 4 жердины или доски попарно соединенные в крестовик. В крестовиках делаются пробоины для того, чтобы скрепить их перекладиной. Концы перекладины блокируются деревянными клиньями. Столешница не прикрепляется к козлам, а свободно лежит на них, гарантируя устойчивость стола собственным весом [Никифоровский 1895, 314].

В качестве мебели (стульев, подставок и т.п.) могли использоваться и обрубки бревен.

Что касается освещения избы, то искусственное освещение, хотя и занимало незначительный срок жизни селянина, всё-таки было необходимо. Археологические исследования показали, что основными способами освещения древнерусского жилища была лучина и масляный светильник. Железные светцы для лучины и керамические светильники находили при исследовании древнерусских поселений [Древняя Русь. Быт и культура. 1997, 10-13; Воронин 1951, 232]. (Рис. 86). Позднейшие осветительные приборы мало чем отличались от древних прототипов – «светоч состоит из жерди в 2 аршина и 8 вершков (более 1 м – Р.Н.) вертикально вправленной в стойку – плаху или колодку, на

вершине такой жерди укреплена короткая поперечная дощечка, куда вколочена железная с разсеком скоба, в разсек втыкается конец лучины. Под лучину подставляют корыто с водой или снегом» [Никифоровский 1895, 336]. (Рис.87). Железный светец мог также вбиваться в стену. Для лучины использовали сосну или березу, так как они имеют хорошие горючие качества.

Мир вещей средневекового крестьянина не отличался богатым ассортиментом. Человек не пользовался вещью ради вещи, каждый предмет был утилитарен, необходим для жизнедеятельности.

В жилище могли быть и другие, менее значимые предметы интерьера, такие как полочки для ложек, (рис. 89) крюки и крючки для подвешивания разнообразных вещей, сундуки и т.п.

4. ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПОСТРОЙКИ

«Аже крадеть кто скот в хлеве или клеть...Аже крадеть гумно или жито в яме...»[Русская Правда 1984, 44]. В этих статьях Русской правды перечислены те хозяйственные строения, без которых не могло существовать домохозяйство на селе и даже в городе. Хлев был необходим для содержания скота, в клетки хранились инструменты, инвентарь и др. необходимые в хозяйстве предметы, на гумне производилась обработка зерна и его хранение, как правило, там же стоял овин, могли находиться зерновые ямы, предназначенные для долговременного хранения зерна. Признаком хозяйственных построек (клетей, хлевов, сараев) является отсутствие печи, а также как правило, не срубная, а столбовая или каркасная конструкция. Для реконструкции легких хозяйственных построек обширный материал можно почерпнуть из этнографических исследований. Сравнение древних сооружений с постройками исследованными этнографами в XIX веке показывает, что существенной разницы между ними не было. (Рис.77,83,84).

Индивидуальное замкнутое натуральное хозяйство вынуждало крестьянина кроме жилья сооружать различные хозяйственные постройки: для содержания скота, для обработки и хранения урожая, сельскохозяйственного инвентаря, продуктов питания и т.д. Размер усадьбы и состав дворовых построек зависели от степени зажиточности домохозяйства. В совокупности весь комплекс жилых, хозяйственных и вспомогательных построек назывался двором. Большая часть древнерусских хозяйственных построек были углублены в грунт. Это погреба, колодцы, ямы, овины и т.п. Некоторые постройки хозяйственного назначения были наземными, или незначительно углубленными – сарайчики, хлева, клетки и т.п.

4.1. Сооружение для просушки снопов

Непременной постройкой любого крестьянского двора было сооружение для просушки недостаточно сухих для молотбы снопов, т.е. овин. Просушка сырого хлеба необходима т.к. сухой зерновой хлеб долго сохраняется без порчи, а сырой слегаается, делается затхлым и может загноиться; хлеб,

недостаточно просушенный, трудно размалывается и дает муки меньше, чем хлеб хорошо просушенный; 3) мука из непросушенных зерен всегда хуже муки из сухих; сохранить ее без порчи еще труднее, чем зерновой хлеб; при хлебопечении она дает маловсхожее тесто. Этнографические исследования русской деревни дают обширный материал об устройстве и функциональных особенностях такого рода построек [Бломквист 1956; Данилин 1928; Зеленин 1991; Сабурова 1991; Соловьев 1930]. Археологические исследования древнерусских сельских поселений также выявили тип сооружений интерпретируемых как снопосушители [Веремейчик 1986, 31; Готун 1999]. Древнерусские овины характеризуются простотой и легкостью конструкций. (Рис. 72). «Непрочная хоромина овин» – эта пословица свидетельствует о том, что в большинстве крестьянских домохозяйств, во все времена, овин был легкой постройкой. И, вероятно, именно поэтому обнаружить такую постройку при археологических раскопках довольно сложно. А точнее, сложно интерпретировать обнаруженный комплекс ям в материковом грунте именно как овин. На территории Хотылевской агломерации памятников в среднем Подесенье была исследована постройка, интерпретируемая как овин. Это сооружение каркасно-столбовой конструкции (плахи, врезанные в угловые и промежуточные столбы), стены которого имели глиняную обмазку толщиной до 20 см, побеленные снаружи и закопченные изнутри. Размеры сооружения 1,2-2,5 м х 5,85 м. Внутри, вдоль длинных стен сооружения шли длинные глиняные «нары», шириной до 0,8 м, а под полукруглой юго-западной стеной находилась печь. Пол дощатый на бревенчатых слегах. В сооружении обнаружено обгорелое зерно. Датируется данное сооружение концом XIII-XV вв. [Шинаков 2009, 35].

Сравнительный анализ овинов древнерусского времени и периода представленного этнографическими исследованиями позволяет утверждать, что принципиальной разницы между ними не было. Разве что со временем увеличивались размеры построек и капитальность конструкций. Хотя и в XIX – нач. XX вв. в деревне существовали и примитивные снопосушители

аналогичные древнерусским. Углубленные в землю овины с глинобитной печью в яме и глинобитным же полом были в хозяйствах белорусских крестьян [Никифоровский 1895, 273].

Простейшая разновидность овина для сушки снопов носила название «шиш», «шишок». Для шиша выкапывали в земле яму глубиной в 1-1,5м. Вокруг нее устанавливали конусом 6-12 жердей и связывали их верхние концы. Затем разводили в яме огонь. Около жердей укладывали снопы колосьями внутрь. «Без огня овина не высушишь» указывает на то, что важной частью овина был источник огня – костер, печь, жаровня с углями. (Рис. 72, 76).

Шиш мог быть и несколько сложнее: над ямой устраивали помост, который покрывал не всю яму, оставляя часть ее (лазня) открытой, т. ч. в яму можно было влезть. Жердей, составленных в конус, было гораздо больше, причем часть из них внизу прикреплялась к горизонтальному бревну, лежащему около лазни. Вокруг этого конуса (здесь он назывался *к о л п á к*, или *к р у г*) ставили легкое сооружение (местное название *ш и ш*). Каркас этого сооружения еще не покрыт соломой. В 1856 в. в Зарайском уезде (Рязанская губ.) обнаружено устройство, в котором можно узнать зачаток овина. Прежде чем начать мять лен на льномялке, его сушили над ямой. За деревней, в овраге или у реки, выкапывали яму глубиной в 1-2м, шириной в 80см и больше и длиной в 2м. В яме разжигали небольшой костер из щепок и хвороста. Над ямой укладывали в длину 2 и 3 жерди. Работницы связывали снопы льна, клали их на жерди над огнем, через полминуты переворачивали их и только после этого начинали мять. Крестьянские овины, отмечал В.И. Даль, бывают *рубленые, плетневые* (мазанные), *битые* (глиняные), главные части его: *ямник*, в коем разводится огонь, обычно прямо, весьма редко в курной печи; над ямой *сушило, садило, насад* или *колосник*, где, на решетинах, насаживаются снопы, либо *в однорядку*, огузками на колосники, комлями вверх и вниз, попеременно; в сушило входят через сенцы, *передовинье*, которое в риге бывает обширнее, и в нем тогда идет молотба и вейка; самый овин или колосник покрыт накатом, заваленным землею, а все вместе крыто соломой; в *ямник* входят снаружи,

через *подлаз*, *подныр*, иногда также крытый [Даль 1981, Т. II, 641-642]. Крестьянский овин нач. XX в. – это грубая бревенчатая постройка, в которой помещались 200–500 снопов. Он состоял из ямы (подлаз) и верхнего яруса. В яме ставили печь без трубы. В некоторых овинах не было печей, длинные поленья жгли в них прямо на земле. Глубина ямы – 150-200 см. Над ее стенками – бревенчатый сруб. При ширине, равной ширине ямы, длина этого сооружения была меньше ее длины. Та часть ямы, над которой не было сруба, служила входом. Она отделялась от всей ямы особой стенкой, не достигающей до дна на 80 см. Таким образом, получалось отверстие, которое служило вентиляционным ходом ямы. Через него же влезал в яму истопник. Верхний, наземный ярус овина отделялся от ямы бревенчатым полом, который был непременно обмазан сверху глиной (под). С одной, а иногда и с обеих сторон этого пода оставлялось отверстие (пазуха, продух) для выхода дыма и тепла из ямы в овин. На высоте 60 см над подом помещались т.н. колосники (цапки) – жерди для сушки снопов. Этот помост из жердей носил названия – садило, сушило, насад; жерди подвижны, расстояние между ними 10-15 см. Потолка у овина не было, от снега и дождя его защищала только крыша. Дым и пар, возникающие при сушке снопов, в овине не задерживались. В его передней стене, обращенной к току, делались два окна. Верхнее окно немного больше и в него забрасывали снопы для просушки и выбрасывали высушенные. Нижнее – меньшего размера на одном уровне с подом, и через него выметали колосья и зерно, упавшие сквозь колосники. Позднейшая рига отличалась от овина тем, что у нее не было ямы, т.е. нижнего яруса. В риге сушили снопы под потолком, и в ней непременно должна была быть печь, которая находилась не под снопами, а сбоку от них.

Простейшим способом сушки снопов на воздухе был озород – сооружение в виде забора из высоких шестов с поперечными жердями. Вероятно, что следы в виде ряда ям в материковом грунте селища Автуничи остались именно от такой постройки. (Рис. 74). Хотя, конечно, как утверждает И.А. Готун, такой ряд столбовых ям мог остаться от коновязи, лавки или внутриусадебной ограды, которая сохранилась частично [Готун 1999]. Озород,

судя по этнографическим данным, ставился на полях рядом с деревней, с таким расчетом, чтобы преобладающий в данной местности ветер дул перпендикулярно к сооружению [Зеленин 1991, 65]. (Рис. 73, 75).

4.2. Хозяйственные ямы

Этим, довольно широким по смыслу термином, называют разного вида и предназначения углубления в грунте, которые находят при исследовании поселений. Это могли быть ямы для хранения припасов – зерна, овощей и т.п., а также для сброса отходов и мусора. Такие ямы это универсальные сооружения, существовавшие в разных цивилизациях, начиная, пожалуй, от эпохи неолита, а возможно и верхнего палеолита. Во всяком случае, в эпоху бронзы, это были довольно совершенные сооружения. На древнерусских поселениях, как городских, так и сельских, хозяйственные ямы во множестве находят в жилищах, возле них, на периферии поселений и усадеб. Большинство ям круглые в плане, но иногда встречаются овальные, прямоугольные или неправильной формы, а в разрезе – колоколовидные, цилиндрические, усеченно-конические, полусферические и неправильной формы. Стены некоторых ям обмазывались глиной, обжигались или обшивались деревом. (Рис. 71).

Важной частью древнерусского крестьянского хозяйства были зерновые ямы. Они позволяли сохранять зерно не только до следующего урожая, но по необходимости и несколько лет. Устройство зернохранилищ в земле было вызвано еще и пожарной безопасностью ям, пожары, часто случавшиеся на древнерусских поселениях могли уничтожить наземные и даже углубленные постройки – амбары и т.п., но зерновые ямы были ему недоступны.

Обычно зерновые ямы круглые в плане, диаметром 1 – 1,5 м, глубиной до 2 м, зачастую колоколовидные в разрезе. Стенки и дно ямы обмазывалось глиной или, если яма была выкопана в глинистом грунте, обжигались. Таким образом, получался своеобразный «сосуд» подобно греческому пифосу. Иногда стены зерновой ямы отделялись деревом. Часто над такими

зернохранилищами возводили легкие наземные постройки, защищавшие яму от непогоды и непрошенных гостей.

Зерновые ямы использовались в крестьянском хозяйстве вплоть до XX века. Наиболее подробное описание устройства такого зернохранилища в конце XVIII в. дает И.А. Гильденштедт: «Отверстие ямы бывает в 3 фута длины... отверстие делают так велико, чтоб свободно одному человеку проходить можно было». Под землею яма расширяется «по произволу». Прежде чем высыпать в нее хлеб, она «накаливается и таким образом высушивается... покуда прогорит по стенам на четверть и сделается как железная...»[Цит. по: Милов 1998]. В Кромском уезде Орловской губернии такие ямы рыли обычно у тока, на гумне и во дворе. Глубина таких ям составляла до 2 сажень, т.е. около 4 м. Заполненную зерном яму закрывали соломой и плотно забивали землей или землей и досками. По словам крестьян, хлеб в таких ямах может храниться годами и десятилетиями [Милов 1998]. Харузин отмечает, что в Курской губернии зерновые ямы напоминают огромный кувшин с узким горлом, они обжигаются большим количеством соломы и обиваются берестой [Харузин 1907, 133-135].

4.3. Погреб

Среди хозяйственных построек сельских и городских домохозяйств часто встречаются погреба, предназначенные для хранения припасов. Погреба могли устраиваться прямо в жилище в виде подпольных ям или своеобразного цокольного этажа – подклета. Иногда встречаются погреба в виде отдельных построек. На селище Дорогинка III погреб представлял собой прямоугольную постройку 4 x 2 м, углубленную на 1,6 м от современной поверхности, на дне постройки яма грушевидной формы (0,6–1x1,2 м), которая обильно заполнена костями животных – коровы, коня, свиньи, овцы (козы). В погреб вели две земляные ступеньки [Серов 1997, 110]. Что представляла собой наземная часть погреба, трудно представить, возможно, что-то типа небольшого сарайчика из жердей с плетеными стенами.

Несколько погребов были обнаружены в ходе исследований на городище Слободка. Яма одного погребя имела колоколовидную форму диаметром 1,7 м в узкой части и 2,4 м в широкой. Стены погребной ямы и дно обмазаны слоем глины. В заполнении из всего обилия вещего материала можно выделить дверной пробой и цилиндрический замок, что свидетельствует о том, что погреб надежно запирался [Никольская 1987, 74-81]. (Рис. 81, 82).

Погреб со срубной конструкцией стен размерами 3,2 x 3 м и глубиной около метра от древней поверхности был обнаружен на поселении Лесковое [Шекун 1997, 89]. В заполнении постройки были обнаружены обломки тарных сосудов и обручи от ведер. Там же был исследован погреб еще больших размеров – 4м x 4,8 м в верхней округлой части и 2,5 м x 3,2 м в нижней прямоугольной, глубиной 0,9 м. Вдоль стен, на высоте 0,6 м от уровня пола, шел уступ шириной до 0,8 м, на котором были сооружены стены. Вдоль длинной оси постройки в полу располагались три ямы от столбов, которые поддерживали двухскатную крышу [Шекун 1997, 94]. Такие крыши над погребями, соломенные или тесовые, известны и по этнографическим данным.

Вкопанные в землю массивные срубы-погребя известны по новгородской археологии. Подобные погребя устраивали в нач. XX в. крестьяне Карачевского уезда [Харузин 1907, 135]. Такие погреб не имели дверного проема, а вход в них осуществлялся сверху по лестнице, через отверстие в потолке. Такое входное отверстие называлось *жерло* [Харузин 1907, 136].

4.4. Сооружение для выгонки дёгтя

Одним из важных промыслов средневекового сельского населения была выгонка дегтя или смолы из древесины. Смола и дёготь с глубокой древности использовались для защиты дерева от гниения и придания ему водоотталкивающих свойств. В средневековой Европе и на Руси лодки, лыжи, сани, бочки и другие изделия покрывали и пропитывали разогретой до кипения сосновой смолой или дегтем. Дёготь применялся при смазке колес, размягчении ремней, при лечении кожных заболеваний у людей, использовался при лечении ряда заболеваний лошадей, крупного рогатого и мелкого рогатого скота, овец,

свиной. Дёготь березовый – сильное бактерицидное средство, убивающее вегетативные и споровые формы сибирской язвы. Крестьяне ставили в помещении, где содержались животные открытую емкость с дёгтем. Испаряясь, он дезинфицировал воздух в помещении и само помещение – животные не болели [Ветеринарная энциклопедия 1969, Т.2., 730; Рабинович 1988].

Сырьем для получения дёгтя служила кора различных древесных лиственных пород, а чистого дёгтя – только березовая кора (береста) [Титтенбрун 1889; Федоров 1903; Матренинский 1944; Лукьянов 1951]. Для производства смолы использовалась древесина сосны. Береста представляет собой опробковевшую древесную ткань, защищающую дерево от внешних неблагоприятных влияний, и содержит жирные вещества. Лучшим сырьем для производства дёгтя является «соковая» береста, то есть береста, снятая с растущих или свежесрубленных деревьев. Массовая заготовка бересты производилась в июне и июле, а в южных районах – несколько раньше. В другие сроки береста плохо отстает от луба [Получение дёгтя/ <http://www.treeland.ru/article/garden/degot/getdegot.htm>]. Наибольший выход дёгтя получали от бересты, снятой с деревьев более старых возрастов. Поэтому сырьем бересты происходил, как правило, с деревьев диаметром не менее 12–14 см. На дереве, с которого снята береста, но не поврежден луб, через несколько лет восстанавливается береста, называемая «двоедер», или «барма».

Сама технология смоло- и дёгтекурения существовала во многих вариациях, но её принцип всегда один и тот же, – при сильном нагреве без доступа воздуха дерево обугливается, а смола или дёготь вытапливается и стекает вниз. Технология кустарного смолокурения и выгонки дёгтя мало изменилась за прошедшие столетия. Производили дёготь либо в штабелях с большой емкостью, либо в относительно небольших ямах с сосудами. На Русском Севере еще в прошлом веке смолу и дёготь выгоняли древними способами. Сосновая щепка мелко кололась и складывалась в выкопанную над обрывом яму в форме воронки. Складывалась плотно, «стойком», или «лучами», – все чурки должны смотреть вниз и внутрь (рис. 78), чтобы смола

стекала по ним к летку на дне ямы, и как можно скорее покидала зону горения у поверхности кучи. Куча обкладывалась щепой и равномерно поджигалась по всей поверхности, после чего вскоре закрывалась дёрном и землей. Нигде не должно прорываться открытое пламя, и тление должно быть достаточно медленным. По некоторым описаниям дно ямы выстилалось корой или «лубками», чтобы смола не впитывалась в землю, при этом кора не успевала сгорать до того, как вся смола выгонялась. По другим описаниям, дно с этой целью обмазывалось глиной. Желоб тоже был деревянный; в более простом варианте желоб вообще отсутствовал, смола стекала в закопанный ниже дна воронки бочонок, и после окончания процесса этот бочонок откапывали и вынимали [Наймарк 2005]. (Рис. 78).

Выгонка дёгтя в древнерусском селе было обычным делом. Производственная яма-смолокурня (дэгтекурня, дегтярня) состояла из двух частей. В верхней части ямы помещался большой горшок или корчага, в днище которой было сделано несколько отверстий. Корчага заполнялась берестой, наглухо закрывалась крышкой и герметично заделывалась глиной. Над сосудом с берестой разводился огонь. В нижней части под корчагой помещался другой сосуд, в котором конденсировался древесный газ вместе с водяными парами. При этом на стенах сосуда оседал дёготь. На поселении железного века Бискупин в Польше, археологи-экспериментаторы после пятичасового нагрева бересты, вложенной в сосуд объемом 2,5 литра, получили 1\8 литра дегтя [Малинова 1988, 156]. Размер производственных ям был различным, наименьший – диаметр 0,4 м глубина 0,5 м, наибольший – диаметр 2 м, глубина 1,6 м [Готун 1999]. Некоторые ямы были защищены от непогоды навесами или плетеными оградами. (Рис. 79, 80).

В словаре Даля большой горшок, корчага, в которой сидят (т.е. выгоняют) корчажный дёготь называется *смоловка* [Даль 1980, Т.4., 236]. Фрагменты таких смоловок были найдены на поселении Автуничи. Донце одной смоловки было очень толстым 3,5 см и имело 7 отверстий для стекания смолы или дёгтя [Моця О.П., Орлов Р.С., Коваленко В.П. и др. 1997, 58].

Лесохимические промыслы занимали серьезное место в системе хозяйства сельского населения. Наибольшее количество находок и объектов, связанных с лесохимическими промыслами, происходит с селищ, находящихся в пределах Черниговского Полесья, что свидетельствует о развитии территориальной специализации [Петраускас 2003]. Дёготь пользовался спросом и в деревне и в городе, поэтому для селян его выгонка была не только необходима для удовлетворения нужд собственного хозяйства, но и для обмена или продажи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного исследования можно подвести следующие итоги:

1. В отечественной историографии последних 50 лет хотя и обобщен опыт исследования древнерусского жилища, однако есть много белых пятен. Во-первых, не был решен вопрос конкретных конструктивных особенностей и строительных принципов возведения древнерусского массового рядового жилища и хозяйственных построек. Во-вторых, не уделяется внимания усадебной планиграфии древнерусских сельских поселений, что существенно искажает представления о жизнедеятельности и социокультурной динамике древнерусской деревни.

2. Усадебно-дворовая планировка на селищах домонгольской Руси появляется как минимум на рубеже XI-XII веков. А к концу XII века, вероятно, становится доминирующей. Это подтверждается комплексными исследованиями сельских поселений.

3. Материальная культура жителей древнерусской деревни и небольшого города существенно не различалась.

4. Строительная культура древнерусской деревни имела следующие особенности:

– сельская усадьба представляла собой совокупность жилого и хозяйственных сооружений, расположенных, как правило, по периметру, и составляла от 200 до 800 кв. м.

– конструкции сооружений возводились без применения железных соединений (гвоздей, скоб и т.п.);

– сруб сооружался из 12 – 16 венцов, рубленых чаще всего с остатком «в обло», как правило, без фундамента (в редких случаях использовались «стулья» по углам или камни);

– пол жилища набирался на лагах из ломовых досок, либо был глинобитным;

– оконные проемы представляли собой волоковые окна, высотой в одно бревно.

Количество окон в сооружении не превышало одного – двух;

- дверной проем был крайне малых размеров, что должно было способствовать сохранению тепла в жилище. Дверное полотно изготавливалось из 1-3 досок сшитых шипами. Двери имели разного рода запирающие устройства – от задвижки и крючка, до навесного цилиндрического и деревянного замков;
- кровля в лесной зоне была в основном тесовой самцово-слеговой конструкции. В некоторых случаях использовалась солома или тростник. Соломенная крыша станет доминирующей в последующие века, что связано как с уменьшением количества лесов, так, в большей степени, с развитием частновладельческой системы и крепостного права.
- интерьер рядового жилища был небогат, состоял в основном из курной глинобитной печи и двигаемой и недвижимой мебели. Освещалось помещение лучиной на светце, масляными светильниками, а летом естественным светом из окон;
- хозяйственные постройки возводились менее основательно, нежели жилые. Во всех них, кроме овина, отсутствовала печь.
- производственные постройки также уступали по степени капитальности жилищу.
- Представленные авторские графические реконструкции (рис. 90, 91) возможно использовать в качестве основы для строительства древнерусского срубного жилища.

Материалы, подобранные и представленные в данной работе помогут реконструировать древнерусскую сельскую усадьбу на прочном историко-археологическом фундаменте. Потенциал проекта довольно объемен. Проведение реконструкции древнерусской сельской усадьбы позволит создать центр живой истории, первый на территории Брянщины и на юго-западе центральной России. Реализация данного проекта откроет новые горизонты в изучении древнерусской сельской материальной культуры, а также будет способствовать туристической привлекательности, как местного сообщества, так и региона в целом.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Альбом Мейерберга. Виды и бытовые картины России XVII века. Объяснительные примечания к рисункам. Сост. Аделунг Ф.; Ловягин А.М. СПб., 1903.
2. Арциховский А.В. Раскопки на Славне в Новгороде.// Материалы и исследования по археологии СССР. №2. 1949.
3. Археология севернорусской деревни X–XIII вв. Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. Отв. ред. член-корреспондент РАН Н.А. Макаров. В 3-х томах. М., 2007-2009.
4. Бломквист Е.Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белоруссов (поселения, жилища и хозяйственные строения) // Восточнославянский этнографический сборник.- ТИЭ.- М., 1956.- Новая серия.- Т. XXXI
5. Бродель Ф. Структура повседневности: возможное и невозможное. – М., 1986.
6. Веремейчик Е.М. Древнерусские хозяйственные постройки для просушки зерна // Тез. Чернигов, обл. на-уч.-метод. конф., посвященной 800-летию «Слова о полку Игореве».- Чернигов, 1986.
7. Веремейчик Е.М. Охранные исследования поселения X-XIII вв. у с. Петруши// Проблемы археологии Южной Руси: материалы ист.-археолог. семинара «Чернигов и его округа в IX-XIII вв.». Киев, 1990.
8. Ветеринарная энциклопедия. – М., 1969. Т.2.
9. Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870.
10. Гончаров В.К. Райковецкое городище. К., 1950.
11. Готун І.А.. Реконструкції ремісничих та господарчих будівель давньоруського поселення Автуничі //Восточноевропейский Археологический журнал. № 1. 1999г./ <http://archaeology.kiev.ua/journal/011299/gotun.htm>
12. Даль. В.И. Словарь живого великорусского языка. Т.1-4.-М, 1978-1980.

13. Данилин А.Г. Приспособления для сноповой сушки хлеба у восточных славян и их соседей // Этнография.- 1928.- № 2.
14. Древняя Русь. Быт и культура. Под ред. Б.А. Рыбакова. М., 1997
15. Древняя Русь. Город. Замок. Село. // Археология СССР.– М., 1985.
16. Европейское руководство по выявлению сельского наследия. Одобрено министрами, ответственными за региональное планирование, на 13 Сессии Европейской конференции министров, ответственных за региональное планирование (СЕМАТ), в Любляне 17 сентября 2003 года.
17. Енукова Е.Н. Домостроительство населения междуречья Сейма и Псла в IX-XIII вв. [Труды НИИ археологии юго-востока Руси Курского государственного университета]. Курск, 2007.
18. Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. Пер. с нем. К.Д. Цивиной. М.1991.
19. Иваницкий Н.А. Материалы по этнографии Вологодской губернии.// Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России. Вып.2. Под. ред. Н.Харузина. М., 1890.
20. Кабо В.Р. Теоретические проблемы реконструкции первобытности // Этнография как источник реконструкции истории первобытного общества. – М., 1979.
21. Киево-Печерский патерик. // Электронные публикации ИРЛИ РАН//http://www.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4945#_ednref252
22. Козюба В.К. Південноруське сільське житло (матеріали до реконструкції заглибленого житла XI-XIII ст.)//Восточноевропейский археологический журнал. №1, 2000г. / <http://archaeology.kiev.ua/journal/010100/kozyuba.htm>
23. Колчин Б. А., Хорошев А. С., Янин В. Л. Усадьба новгородского художника XII в. М., 1981.
24. Косенков А.Ю. Локальные особенности традиционных безгвоздевых кровель Русского Севера (на пример куриц)// Рябининские чтения. Материалы научной конференции по изучению народной культуры

- Русского Севера. Отв. ред Т.Г.Иванова. Петрозаводск, 2007./
<http://kizhi.karelia.ru>
- 25.Красноперева А.В. Символика Крестьянского быта в культуре Древней Руси. // Studia culturae. Вып. 2. Альманах кафедры философии культуры и культурологии и Центра изучения культуры философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета. СПб, 2002.
- 26.Лаврентьевская летопись.// ПСРЛ. Т.1. М.1997.
- 27.Ланге Б.С. Деревянный дом от мала до велика. М., 1999.
- 28.Лукьянов П. М. История химических промыслов и химической промышленности России, т. III. М., 1951.
<http://www.treeland.ru/article/garden/degot/getdegot.htm>
- 29.Лысенко, П.Ф. Открытие Берестья / П.Ф.Лысенко. – 2-е изд., доп. – Минск: Беларус. наука, 2007.
- 30.Маковецкий И. В. Архитектура русского народного жилища: Север и Верхнее Поволжье. - М., 1962.
- 31.Малинова Р., Малина Я. Прыжок в прошлое: Эксперимент раскрывает тайны древних эпох. – М, 1988.
- 32.Матренинский. Смолокурение.- М.:КОИЗ, 1944.
- 33.Международная хартия по консервации и реставрации памятников и достопримечательных мест. Одобрена на II Международном конгрессе архитекторов и технических специалистов по историческим памятникам (Венеция, 1964).
- 34.Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998.//
http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/milov
- 35.Милонов Н.П. Славянские жилища по данным археологических раскопок Пронского городища. Рязань, 1931.
- 36.Мильчик М.И., Ушаков Ю.С. Деревянная архитектура русского Севера. Страницы истории. Л., 1981.
- 37.Монгайт А.Л. Старая Рязань. М.1955.

38. Моця А.П., Готун И.А., Коваленко В.П. Полесское село в древнерусской истории (по материалам пос. Автуничи)// Деснинские древности. Сборник материалов межгосударственной научной конференции, посвященной памяти Ф.М. Заверняева.– Брянск, 1995.
39. Моця О.П., Орлов Р.С., Коваленко В.П. и др. Поселення Х-ХІІІ ст. біля с. Автуничі. //Південноруське село ІХ-ХІІІ ст. (Нові пам'ятки матеріальної культури)/ Ред. кол. О.П. Моця, В.П.Коваленко, В.О. Петрашенко. – Київ, 1997.
40. Наймарк М.Л. Опыт получения смолы традиционным способом в смолокуренной яме// Соловецкое море. Историко-литературный альманах. №4, 2005. <http://www.solovki.info/?action=archive&id=268>
41. Никифоровский Н.Я. Очерки простонародного життя-быття в Витебской Белоруссии и описание предметов обиходности (этнографические данные). Витебск, 1895.
42. Никольская Т.Н. Городище Слободка. К истории древнерусского градостроительства в Земле вятичей. М., Наука, 1987.
43. Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации. Закон от 25 июня 2002 года № 73-ФЗ.
44. Петраускас А.В. Ремесла та промисли сільського населення Середнього Подніпров'я в ІХ-ХІІІ ст. Автореф. канд. дис. Київ, 2003.
45. Петров М.И., Сорокин А.Н. О размерах усадеб Древнего Новгорода.// Новгород и Новгородская земля. История и археология. – Новгород. Вып. 11. 1997.
46. Привалова О.Е., Шенникова А.А. Строительная культура псковских крестьян: поселения, усадьбы, постройки./ <http://edapskov.narod.ru/pskov/stroitkyltpkr.htm>
47. Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати. М. 1971.
48. Рабинович М.Л. Ветеринарная фитотерапия.- М., 1988
49. Раппопорт П.А. Древнерусское жилище. САИ. Вып. Е1-32. Л., 1975.

- 50.Русская Правда Пространной редакции (по Троицкому первому списку)/ Нагаев А.С., Огнев В.Н. Практикум по истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в. Учебное пособие для студентов. Вып. 1. М, 1984.
- 51.Русские. / Ответственные редакторы: В.А. Александров, И.В. Власова, Н.С.Полищук. Серия «Народы и культуры». Москва: Наука. 1999.
- 52.Русские. Историко-этнографический атлас. М., 1970.
- 53.Сабурова Л.И. Сельскохозяйственные орудия и постройки // Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры.- М., 1987.- С. 198-201; Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография.-М.,1991
- 54.Севан О.Г. Музеи под открытым небом Европы // Обсерватория культуры. М., 2006. № 3
- 55.Седов В.В. Археологические работы по изучению древнерусской деревни Смоленской земли в 1957 году // Материалы по изучению Смоленской области. Вып. 4. Смоленск, 1961.
- 56.Селиванов В.В. Год русского земледельца. Зарайский уезд, Рязанской губернии.// Письма из деревни: Очерки о крестьянстве в России второй половины XIX века./Сост. Ю.В. Лебедев. М., 1987.
- 57.Серов О.В. Давньоруські селища X - сер. XIII ст. Київського Подніпров'я./ Південноруське село IX-XIII ст. (Нові пам'ятки матеріальної культури)/ Ред. кол. О.П. Моця, В.П.Коваленко, В.О. Петрашенко. – Київ, 1997.
- 58.Слово Даниила Заточника. Редакция по Чудновскому списку. Цит. по: Романов Б.А. Люди и нравы Древней Руси. М.-Л. Наука. 1966.
- 59.Смоленский Е. Деревянный замок. /<http://kraewedi.narod.ru/index.htm>
- 60.Соболев А.А. Деревянный Дом. Русские дома: материалы, приемы, технологии. Архангельск, 2003
- 61.Соболев А.А. Русский дом. Бостон, 1997.
- 62.Соловьев К.А. Жилище крестьян Дмитровского края // Труды Музея Дмитровского края.- Дмитров, 1930.- Вып. 6

63. Сорокин А.Н. Благоустройство усадеб в Древнем Новгороде. М., 1995.
64. Спегальский Ю.П. Жилище северо-западной Руси IX-XIII вв. Л., 1972.
65. Текеев К.М. Карачаевцы и балкарцы: традиционная культура жизнеобеспечения. М., 1989 \ <http://www.balkaria.info/library/t/tekeev/tsj.htm>
66. Титтенбрун М. О добывании дегтя из ольховой коры. 1889.
67. Толочко П.П. Массовая застройка Киева X—XIII вв. // Древнерусские города. Отв. ред. В. В. Седов. — М.: Наука, 1981.
68. Успенская А.В. Древнерусское крестьянское жилище по материалам селищ. // Славяне и Русь. М. 1968.
69. Харламов В.О. Конструктивні особливості дерев'яних будівель Подолу X-XIII ст. // Археологічні дослідження стародавнього Києва. К., 1976
70. Федоров П. Смолокурение, выгонка дегтя и скипидара. Практическое руководство для лесовладельцев, лесопромышленников и лесных чинов по производству смол, дегтя, скипидара, древесного спирта. — СПб, 1903
71. Федотов Г.Я., Сухие травы: Основы художественного ремесла, М., Аст-Пресс, 1999./ <http://www.traditions.ru/books/suhtravy>
72. Харузин А. Славянское жилище в Северо-Западном крае. Вильна, 1907.
73. Хорошев А.С. Новгородские усадьбы и система городского землевладения по археологическим данным // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 11. 1997.
74. Шамбинаго С.К., Древнерусское жилище по былинам // Юбилейный сборник в честь В.Ф. Миллера. М., 1900.
75. Шекун А.В. К вопросу территориального развития древнерусской селищной структуры (по материалам Черниговщины). // Проблемы археологии южной Руси: Материалы ист.-археол. семинара «Чернигов и его округа в IX – XIII вв.», Чернигов, 1988 г. / ИА АН УССР. Ред. кол. П.П.Толочко и др.. Киев, 1990.
76. Шекун О.В. Селянські садиби XI-поч.XIII ст. // Друга Чернігівська обласна конференція історичного краєзнавства: тези доповідей.-Чернігів-Ніжин, 1988. С.36-37. См. также: Шекун О.В. Садиба кінця XII-початку XIII ст.

(за матеріалами розкопок пос. Рів-2 біля с.Шестовиця)//Сайт «Археология Чернигова» (<http://archeology.narod.ru>).

- 77.Шекун О.В., Веремійчик О.М. Поселення Ліскове у верхов'ях р. Білоус. //Південноруське село IX-XIII ст. (Нові пам'ятки матеріальної культури)/ Ред. кол. О.П. Моця, В.П.Коваленко, В.О. Петрашенко. – Київ, 1997.
- 78.Шинаков Е.А., Чубур А.А., Гаврилов К.Н. Древние поселенческие агломерации на территории села Хотылёво// Русский сборник. Вып.5. (Труды кафедры отечественной истории древности и средневековья БГУ им. Петровского, вып. 12). Брянск: Изд-во «Курсив», 2009.
- 79.Яснецкий Н. Деревенское строительство в Печерском крае (Псковской обл.)// Материалы и исследования по этнографии русского населения европейской части СССР [Текст] / Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР; отв. ред. П. И. Кушнер. - М.: Изд-во АН СССР, 1960.